

АЛИСА ЛИМАН
САША КИМ

Саша Ким

Его маленькая слабость

«Литнет»

2021

Ким С.

Его маленькая слабость / С. Ким — «Литнет», 2021

— К-кто вы? — вдруг выдавливает Аня дрожащим голосом. — Кто Я? Хочешь сказать, не помнишь?! — злобно усмехаюсь я. — Посмотри на меня, может тогда и узнаешь! Девчонка вдруг руки протягивает. Замираю. Прохладные ладошки нерешительно ловят мое лицо в свой плен. Какого черта она делает? Глотаю воздух, понимая, что тут творится какая-то херня. Но отстраниться не могу. Невесомо проводит пальцами по моим ресницам. И наконец поднимает невидящий взгляд мне в глаза. Что за... — Ты... — решаюсь озвучить догадку, — не видишь?"Его бывшая слабость"

© Ким С., 2021

© Литнет, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	33
Глава 6	37
Глава 7	41
Глава 8	45
Глава 9	50
Глава 10	56
Глава 11	60
Глава 12	64
Глава 13	69
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Глава 1

ГЛЕБ

Просто стою под душем, упираясь ладонями в стену. От усталости не в силах пошевелиться. Перелет оказался выматывающим, еще и младенец в салоне кукуху сносил. Даже наушники не сильно помогли. Этот мелкий, кажется, турбину самолета умудрился переорать.

В такие моменты я с удивлением вспоминаю, что время от времени не прочь завести некое подобие семьи. Тихую безотказную жену. Только не из тех кукол резиновых, что вечно вокруг выются. Этих надо выбрасывать вместе с использованным презервативом. А мне надо домашнюю такую, чтоб щи-борщи варила, хозяйственную. И мать хорошая чтобы была. Ну и карапуза орущего в придачу. Ладно. Своего-то и потерпеть можно. Да только где ж искать эту домашнюю?

По ходу, я перебрал по прилете. Опять о какой-то чепухе думаю.

Смахиваю с бровей воду, отбрасывая бесперспективные мысли. Мне бы сейчас просто бабу. Чтобы снять напряжение после долгой командировки. Градус в крови, конечно, отчасти справляется с этой задачей. Но физическая усталость тоже не помешала бы в комплект к моральной расслабленности.

Если бы в срок приехал, то организовал бы себе досуг, как полагается. Это отмена последней встречи смешала мне все карты. Вернулся домой не солоно хлебавши. Злой как черт. Даже не успел домработницу предупредить, что возвращаюсь. А потому еще и голодный остался.

Надо хоть омлет какой сообразить. Доставку ждать уже сил нет. Ночь поздняя. Вырублюсь раньше.

Отстраняюсь от теплых потоков, услышав какой-то грохот внутри дома. Что за хрень? Хмурюсь, пытаюсь пораскинуть нетрезвыми мозгами, кто бы это мог быть.

Лариска вроде на отдых куда-то свалила — я миллион фоток в «Инсте» видел. Прислуга в моем доме приходящая — не люблю я посторонних людей под ногами. Животины тоже не держу — значит, кто-то непрошенный.

Есть у меня, чем поживиться. Правда, в сейфе лежит. Но раз у «гостей» есть инфа, что хозяин не дома, то, может, и пароль от сейфа добрые люди подсказали?

Выскакиваю из стеклянной кабины и, не теряя время, направляюсь на звук. Даже интересно посмотреть, кто у нас такой смелый, что решился к «самому Золотову» пробраться.

Немного дезориентировавшись, останавливаюсь в просторном коридоре. Темно. И тихо. Настолько, что слышно, как на мраморный пол падают капли с моего нагого тела. Откуда звук-то шел?

Ответом мне служит тихая возня из кухни. Чутье на задворках сознания подсказывает, что вор мне какой-то туповатый попался. Тоже пожрать, что ль, зашел? Может, кошка какая в дом забралась?

Заглядываю. Ну точно кошка...

Довольно скалю зубы. А дружище-то постарался организовать мне теплый прием после долгой разлуки с домом. Кроме Валерки ведь никто не знал, что я возвращаюсь.

Вглядываюсь в темноту, изучая свою добычу. Неплохой подгон. Даже в полумраке кухни четко вырисовываются все выгодные округлости. Мелковата, правда. Надеюсь, только ростом. Не стал бы меня друг подставлять.

Девчонка не двигается, будто прислушиваясь к чему-то. Молчит. Словно и не видит меня вовсе.

Да как же! В полоске света от микроволновки вижу, что ее взгляд наглухо прикован к моему паху. Впечатлена, девочка? Готов поспорить, такого, как я, у тебя еще не было.

Так и будем стоять?

Делаю шаг навстречу. Одним движением ловлю хрупкое тельце в объятия. Девчонка вздрагивает, будто от неожиданности. Резко втягивает воздух, видимо, хочет что-то сказать. Но я не даю. Впечатываю свои губы в ее приоткрытый ротик.

Не до разговоров мне сейчас. Нужно напряжение снять.

Подхватываю девчонку на руки. Опускаю на столешницу, становясь между ее ног, которые она тут же пытается сдвинуть. Грубее сжимаю пальцами бедро и кладу жесткую ладонь на затылок, чтобы дать понять, что мне не до игр. Она сдавленно хнычет, не в силах отстраниться от меня.

Хорошая актриса. Правда, эти невинные игры — не то, что нужно изголодавшемуся мужику. В другое время это меня даже позабавило бы. Но сейчас устал, как батрак. Нужно просто до предела измотать тело, чтобы мозг отключился. Без всех этих ужимок.

А девчонка, как назло, в грудь мне ручонками своими упирается. Плаксиво в рот стонет.

И что-то просыпается во мне от этого стога. Нехорошее такое. Сбивающее весь настрой. Напоминающее, что я животное. Которое хватает то, что нельзя. Ломает что-то хрупкое. Выбрасывает на помойку то настоящее, что случайно находит.

На секунду теряю бдительность. Девчонка тут же уворачивается от моего жадного рта и начинает бормотать нечто, напоминающее молитву. Ну, это уже слишком! Зверею, собираясь продолжить начатое, но почему-то все же замираю, прислушиваясь.

— Не надо, пожалуйста. Я вас очень прошу... — тараторит с надрывом.

Меня торкает от ее голоса. Он один такой. Я его в любом виде теперь узнаю. Хоть песня, хоть хриплый шепот. Отшатываюсь. Щелкаю выключателем. И...

— Аня?

Во рту тут же возникает ее сладкий привкус. Опускаю глаза, оценивая, как недвусмысленно растет мой интерес к незваной гостье. А девчонка и глазом не повела. Видать, и так я ее напугал достаточно.

— Будь здесь, — бросаю и выхожу из кухни.

Оказавшись в комнате, хватаю спортивные, что валяются на кровати. Матерясь, одеваюсь, а сам не могу отделаться от навязчивых мыслей.

Крепко она мне в голову засела в тот раз. Потому что не такая, как все. Я даже надеялся повторить. Но после нашей спонтанной ночи Аня больше не явилась на работу.

Конечно, я тогда по ходу, грубанул маленько. Нехорошо так жестко с нежными девчонками. Такую красоту осторожно надо брать. А я как животное набросился, забыв о собственных правилах. Никаких отношений с подчиненными! И уж тем более держаться подальше от девиц! С ней просто бинго. Два из двух. Все запреты разом.

И опять себя веду как животное.

Помнится, я сразу подумал, что это не очень хорошая затея, — брать такую хрупкость дрожащую на роль барменши. Но эта ее упертость покоряла. Девчонка боялась, но перла как танк. Напролом. Гуськом за мной ходила, уговаривала, чтобы я ее принял. Я же и взял ее, только чтобы обломать. Подумал: неделька при нашем графике, и она сама сбежит. Ан нет. Несколько месяцев продержалась. Дрожала, видел я. Но держалась.

Поначалу старался даже внимания на нее не обращать. Подумаешь, новая барменша. Там такая текучка, что я стерся бы, если бы каждая интерес вызывала. Да и принцип — не связываться с подчиненными — я еще ни разу не нарушил. А уж какие бывают убедительные работницы гоу-гоу... Но я оставался непреклонным. Бабу я себе и вне работы в состоянии подцепить.

Но вот к ней начал приглядываться, когда однажды задержался почти до самого утра в клубе и голос ее ангельский случайно услышал. Чистый такой. Ни капли фальши. Заинтересовался, что это у нас за талант прячется. Думал, договорюсь и на сцену пушу. Да только увидел,

как она дрожит каждый раз, выходя к микрофону перед пустым залом, и понял, что придется подождать, пока привыкнет.

В итоге я привык первым...

Оставался после закрытия в чилауте. Ждал, пока она для меня споет. И все. Что-то вроде любимой пластинки. Не собирался я ее трогать, вообще. Она же и не в моем вкусе. Мелкая такая. Вся закомплексованная. Неуверенная в себе. Я люблю опытных женщин. Раскрепощенных. Умеющих доставить мужчине удовольствие. Знающих себе цену. Ну, в общем, не это...

Ухмыляюсь. Невеличка...

А потом слушок прошел, что барменша безотказная. И меня торкнуло. Будто какая-то жадность обуяла. Подумал: почему всем можно, а я даже не попробую? Вот и не смог удержаться.

Да только, по ходу, слухи ходили об Аниной сменщице. А Анечка — судя по обагренным клавишам моего рояля, на котором все случилось — была чистой. До меня.

Черт. И как теперь с ней объясняться? Она сбежала от меня тогда так, что пятки сверкали. Напугал грубостью. Нельзя было так с невинной девочкой. Перебрал в ту ночь, не отрицаю. Но с ума сводила мысль, что моя пластинка еще для кого-то поет. Я хотел, чтобы она стонала свои серенады только мне.

Возвращаюсь в кухню, чувствуя некую неловкость. Все же дважды на девчонку накинулся. А она так и сидит неподвижно на столе — вся растрепанная мною. Черт. Послушная какая. А мне теперь что делать прикажешь? Спортивки тут же начали оттопыриваться. И это она еще одетая. Почти. Шортики мятой кучкой на полу валяются. Кофточка расстегнута, сползла, оголяя хрупкое плечико. Пухлые губки алеют после моих поцелуев.

— Анют, ты это... — Я подхожу ближе и тяну пальцы к девушке, застывшей как каменное изваяние.

Прикрывается руками. Взгляд блуждающий, шальной. Будто накачали чем-то. Вздрагивает, когда я касаюсь ее, чтобы кофточку поправить.

— Не... Не надо! — шепчет истерично.

Замираю. Голова взрывается, когда взгляд цепляется за простенькие хлопковые трусики. Я же тогда еще в процессе понял, что творю что-то не то. Как раз когда дошел до этой мягкой ткани. Не носят потаскухи такое белье. Уж сколько проверял.

Но остановиться не смог.

— К-кто вы? — вдруг выдавливает Аня дрожащим голосом.

Хмурюсь. Серьезно? Раздражает то, как она стыдливо отводит взгляд. Надеется сделать вид, что мы не знакомы? Как бы не так!

— Кто Я? Хочешь сказать, не помнишь?! — злобно усмехаюсь я. — Посмотри на меня, может, тогда и узнаешь!

Девчонка вдруг протягивает руки. Замираю. Прохладные ладони нерешительно ловят мое лицо в свой плен. Пальчики изучающе проходят по бороде.

Какого черта она делает?

Глотаю воздух, понимая, что тут творится какая-то херня. Но отстраниться не могу. Она невесомо проводит пальцами по моим ресницам и наконец поднимает невидящий взгляд мне в глаза. Что за...

Мой рот непроизвольно открывается от удивления, пока я пытаюсь сложить один плюс один и сформулировать получившуюся мысль максимально корректно.

— Т-ты... — заикаюсь, не решаясь озвучить догадку, — не видишь?

— Простите, — зачем-то извиняется дуреха.

А я так и стою с открытым ртом, не зная, что ответить. В прошлый раз... она ведь зрячая была? Или... Да нет же, точно!

— Что с тобой случилось? — глухо интересуюсь я, не зная даже, как себя с ней вести. Невольно тянусь к покрасневшей щеке пальцами. Одергиваю себя. Сжимаю ладонь в кулак и опускаю руку.

— Авария, — коротко отвечает. — Прошу прощения, а мы были знакомы? У меня просто память... Врачи говорят, со временем все может восстановиться, но пока...

Она продолжает что-то неуверенно мямлить, не отводя от меня невидящего взгляда. А я стискиваю зубы, чтобы не ляпнуть лишнего.

— Знакомы. Ты же в моем клубе работала, — сухо отзываюсь.

Сжимаю между пальцев ощущение, оставшееся от прикосновения к ее коже. Хочу повторить. Да. Но я же не изврат какой, калеку трогать.

— Точно. Хозяин мой, значит. — Ее плечи облегченно опускаются, будто этот факт ее успокоил. Вроде ж не незнакомец какой.

Ох, девочка. На твоём месте я бы не спешил расслабляться.

— Тут-то ты как оказалась? — пытаюсь отвлечься от навязчивых непотребных мыслей.

— Лариса привезла. Сказала, тут пожить можно.

— Лариса? — переспрашиваю я, едва сдерживая ироничную усмешку.

Похоже, я пропустил момент становления личности моей сестрицы. Она не более чем неоправданно высокомерная сука, палец о палец не ударившая, чтобы купаться в шоколаде. Уповающая на мою щедрость и сейчас. И подыскивающая богатенького мужа на будущее. С каких пор в ней разыграл альтруизм?

— Да, — шепчет Анечка, поправляя, наконец, кофточку. — Когда я очнулась, она мне все рассказала.

— Что все? — подозрительно щурюсь я.

— Ну, что я сирота. Из другого города приехала. И что в Москве у меня кроме нее и нет никого.

Тяжело вздыхаю. Голубые глаза тут же начинают в панике метаться, будто она услышала в моем вздохе нечто большее.

Может, оно там и было. Понимаю, насколько удручающая складывается ситуация. Сирота. Из другого города. Слепая. К тому же ничего не помнит...

Ладно. Об этом я подумаю завтра.

Отхожу на безопасное расстояние, которое оказывается, по моему внутреннему радару, аж у холодильника, стоящего в противоположном углу кухни.

— Что ж. С Ларой я позже разберусь. Ты есть хочешь? — стараюсь, чтобы голос звучал дружелюбно, потому что бесит меня этот ее зашуганный взгляд.

— Х-хочу, — бормочет Аня. — Я сюда потому и пришла, что перекусить хотела.

Открываю холодильник и начинаю выкладывать продукты. А она продолжает оправдываться:

— А тут эта чашка упала...

— Ты что же тут, одна торчишь?

— Не совсем. Лара в пятницу приезжала. А еще тетя Надя в будни была.

Да они совсем охренели?! Сегодня уже воскресенье! Незрелую девчонку одну в доме заперли!

Надежда тоже получит по пятое число. Помнится, я требовал, чтобы прислуга докладывала мне обо всем, что происходит в доме.

Поднимаю взгляд на Аню, которая вытягивает ногу, пытаюсь дотянуться до пола. По моему скромному мнению, она — достаточное «происшествие», чтобы не забыть сообщить.

Подхожу ближе. Вплотную. Задерживаюсь дольше, чем того требуют обстоятельства. Обнимаю стройную талию.

— Что вы...

— Наверно, стоит напомнить. Глеб, — представляюсь, игнорируя ее бормотание.

Притихла. Хрупкая такая. Снова напоминаю себе, что я животное. Подтягиваю девочку ближе и спускаю со стола.

— Усаживайся. Сейчас омлет сварганю.

И замолкаю, глядя, как она нерешительно мнетя, пытаюсь прикрыть ладошками трусы и водит ногой по полу в поисках своей одежды.

Дьявол. Опускаюсь на корточки, беру в руку шортики.

— Ногу подними. Помогу одеться.

— Я сама могу, — тихо выдавливает она.

— Я устал сегодня, как черт. Давай ты не будешь спорить, а сделаешь то, что я прошу, — требую, изучая ее лицо снизу вверх.

Аня закусывает губку. Нашупывает пальчиками край столешницы. Опирается. Приподнимает ногу. Скольжу глазами вниз по идеальному телу. Цепляюсь взглядом за мокрое пятнышко на хлопке. Цепенею, проглатывая желание. По затылку разбегаются мурашки. Понравилось, значит? Уж мне ли не знать, что эта невинная малышка куда горячее, чем хочет казаться. Может, она меня и не помнит, зато очевидно, что ее тело привычно откликается на мои прикосновения.

Тяну шорты по стройным ножкам. Аня пытается перехватить резинку. Игнорирую, продолжая как бы невзначай гладить ее нежную кожу костяшками пальцев. Наслаждаюсь россыпью мурашек на ее бедрах.

— Я, — задыхаясь, шепчет она, — не... Не настолько беспомощная.

Так сильно смутил? Или все же обиделась? Надо бы помягче. И без того ей досталось.

— А я и не о тебе сейчас забочусь.

Выпрямляюсь в полный рост и зависаю. Не хочу отходить. Не касаюсь ее, но чувствую жар ее тела. И она тоже, судя по тому, что не шелохнется. Ее рваное дыхание опалает мою грудь. Невидящий взгляд мечется из стороны в сторону.

Осторожно прихватываю подбородок, желая успокоить.

— Ты меня не бойся, Анют, — нагло вру. Ведь сам не уверен, что ей действительно нечего бояться.

Изврат! По ходу, я в натуре перебрал.

— Д-дело не в вас, — выдыхает она.

— Себя тоже не бойся, — продолжаю я, хотя разум и вопит, чтобы я заткнулся. — Мы знакомы несколько ближе, нежели обычные коллеги. Поэтому то, что ты могла почувствовать рядом со мной, — вполне естественно.

Вот черт. Все же ляпнул. Теперь невесть что она себе надумает. Но если объясню все как есть, могу только усугубить. Так и знал! Хмурюсь, замечая в голубых глазах слезы.

— Ну чего ты? — стараюсь говорить мягко, чувствуя вину за ее слезы.

В ответ лишь отрицательно мотает головой.

Хм-м. Ладно, по ходу дела разберемся.

Усаживаю плаксу на стул перед столом. Достаю сковороду. Включаю плиту и начинаю разбивать яйца в миску.

— Сейчас за едой мне все по порядку и расскажешь.

— Так я вроде уже все... — начинает она, пытаюсь не плакать.

— Значит, не все, раз я не понимаю, чего ты реवेशь, — перебиваю я.

Губы надула. Руки на груди сложила и развернулась на стуле, явно давая понять, что не планирует откровенничать с едва знакомым и вовсе не вспоминаемым человеком.

Так и сидит, пока я готовлю для нас сильно запоздавший ужин. Но я вижу, что она плачет. Хоть и норовит отвернуться от меня.

— Если не расскажешь, омлет в одно лицо съем, — беззлобно угрожаю я, заканчивая с готовкой.

— Да и так же все понятно! — взрывается вдруг она. — Я жалкая такая! Настолько беспомощная, что даже будь вы вором, ничего не остается, как поверить вам на слово!

— Ну, во-первых, я не вор. Этот дом точно мой. Иначе что бы я в душе делал? Когда я целовал тебя, я весь мокрый был, помнишь?

Вижу, как ее щеки румянцем покрылись, поэтому тут же пытаюсь свести все к шутке:

— Разве что так впечатлился итальянским мрамором в ванной, что не устоял, — смеюсь я беззаботно, а сам на девчонку поглядываю. — Ну и во-вторых, в моих глазах ты выглядишь далеко не жалкой.

— А какой... — случайно вырывается у нее. Аня тут же закусывает губу. Выпрямляет спину и все же решается: — Какой вы меня видите? Я даже в зеркало посмотреться не могу. — Похоже, ей и правда интересно.

Выключаю плиту. Раскидываю свой кулинарный шедевр по тарелкам и ставлю одну из них перед Аней. Сажусь на стул рядом с ней и разворачиваю девчонку к себе. Копна натуральных темно-русых волос с проблеском золота. Опушка темных ресниц вокруг голубых глаз. Точеные брови. Спелые персиковые губки.

Проглатываю вязкую слюну.

— Боюсь, если сейчас скажу, какой тебя вижу я — ты можешь испугаться, — хриплю я, продолжая впитывать тонкие черты лица.

Шумно вдохнув, Аня явно подавляет новую волну истерики. Конечно, она меня не так поняла. Но пойми она меня «так», стала бы опасаться.

Нервно поворачивается к столу. Нашупывает вилку. Хватает ее дрожащей рукой и пытается поддеть омлет. Ничего не выходит. Пробует снова. И снова.

Какое-то время просто наблюдаю за ее манипуляциями. В итоге ловлю тонкое запястье и отбираю острый предмет, пока не поранилась. Аня всхлипывает, но подчиняется.

Испытываю какое-то нездоровое удовольствие от того, что кормлю с вилочки свою непрошеную гостью. Моя тарелка стоит рядом. Нетронутая. Я так увлекся процессом, что и забыл, насколько был голоден. А она так послушно открывает ротик, что я невольно задумываюсь: откуда столько доверия?

— Ну вот, умница, — шепчу я.

Опускаю вилку в пустую тарелку. Тянусь, чтобы протереть блестящие от масла губы. Касаюсь — и замираю. По кончику пальца скользит влажный язычок. Тело словно пробивает током. Радар симпатии вновь начинает расти.

Нежный рот не спешит закрываться. Опасно. Мозг отключается. Палец неторопливо проникает внутрь. Аня прикрывает глаза. Пухлые губки смыкаются, и я натурально чувствую, как мою плоть благодарно посасывают.

Ох, дьявол! Награди меня терпением!

— Анют, — хриплю я, — со взрослыми дядьками так играть может быть опасно...

Невидящие глазки распахиваются. Девочка шокированно вскакивает, роняя стул. Будто сама от себя не ожидала подобного. Хотя, признаться, я тоже не ожидал. И уж точно не думал, что мне настолько понравится эта беззаботная игра, что я захочу добавки.

Аня пытается сбежать из кухни, шаря руками перед собой. Налетает бедром на угол и складывается пополам.

Вскакиваю. Ловлю ее в объятия. Бьется, словно птеник неразумный. Опять смутил ее.

— Ну что ты. Подожди. Я ведь не зверь какой, чего ты бежишь от меня сломя голову?

— Ай-ай! Я не от вас!

— От себя тем более не надо.

Пунцовеет и перестает вырываться. Подхватываю ее удобнее на руки. Несу в свою комнату. Опускаю на кровать с единственным целомудренным намерением оценить место удара. Нависаю над ней, ставя колени по бокам от ее бедер.

— Дай взгляну. — Тяну резинку шортиков.

Аня вцепляется в мои руки и тесно сводит ножки.

— Я только гляну, нет ли синяка.

Нерешительно отпускает меня. Но еще сильнее сжимает бедра, когда я слегка приспускаю шорты вместе с трусиками. Худенькая такая. На острой выпирающей косточке виднеется красное пятно. Похоже, синяку все же быть. Веду пальцами вокруг ушиба. Девочка непроизвольно сжимается. Сгибает ноги в коленях, упираясь мне в пах.

— Очень больно?

В голове возникают непрошенные воспоминания. Эти стройные ножки на моих плечах. И моя голова между ее бедер.

Облизываюсь, как голодный кот. Кладу горячую ладонь на плоский животик, вынуждая его слегка подрагивать. Наклоняюсь, не особо осознавая адекватность своих намерений. Касаюсь губами острой косточки.

Аня вздрагивает. Начинает ерзать попкой, будто хочет уползти от меня.

Я чувствую запах ее желания. Запах молодой женщины, что дурманит голову хлеще коньяка. Снова касаюсь губами ее кожи. Не отталкивает. Притихла, будто и слово вымолвить боится. Провожу кончиком носа вдоль резинки трусиков. Дышу шумно, не в силах совладать с собой. Чувствую, как по венам течет раскаленная сталь.

Я хочу ее. Об этом мое тело буквально кричит. Похоже, и она меня.

Но так ведь нельзя? Это даже для меня слишком. Я-то привык женщин использовать не задумываясь. Но не при таких обстоятельствах. Тем более что я уже однажды сломал ее. Видимо, потому и сбежала.

Запомнил я ту ночь. Телефон зазвонил, прервав нас. Я не собирался останавливаться. Хотел только послать Ларису к чертовой матери, сказать, что я передумал и не хочу, чтобы она меня забирала. Был у меня к сестрице серьезный разговор о ее непомерных тратах. Да только птичка эта весь настрой на разгон сбила.

Я хотел продолжать. Снова и снова... Пока не остыну. Но когда вернулся, ее уже не было. Испугалась. Еще бы. Я на ее фоне взрослый дядька. А она нежная такая. Дрожит постоянно.

— Нет, — врывается в мои мысли истеричный шепот.

Поднимаю глаза, готовясь успокоить девочку. А она сжимает руками голову. Выгибается, словно от боли.

— Ань. — Наклоняюсь к ней. — Что? Что с тобой?

— Голова! Сейчас разорвется! — стонет болезненно.

Глазами отыскиваю телефон и, вскочив с кровати, хватаю аппарат. Набираю номер Валерки. Врач он, может, и не самый толковый, но точно подскажет, что делать.

Вкратце объясняю другу ситуацию. Слушаю инструкции. Закончив разговор, бросаю мобильник на тумбочку и расторопно возвращаюсь к корчащейся на моей кровати девушке.

— Анют, — кладу свою похолодевшую ладонь на ее лоб, — еще болит?

— Немного лучше, — шепчет она.

— Ты... что-то вспомнила? Доктор сказал, что воспоминания могут возникать вспышками. Из-за этого и голова болеть может.

Молчит. Но щеки покрываются румянцем. Значит, что-то вспомнила...

— Расскажи мне.

Она вдруг садится на кровати. Спускает ноги и обнимает себя за плечи руками дрожащими.

— Не могу, — бормочет.

— Меня вспомнила? — настаиваю я, желая знать, что из того, что между нами было, она могла сейчас вспомнить.

— Нет. Нечего рассказывать, — упрямится девочка. Неуверенно поднимается на ноги и, пошатываясь, обходит кровать. Хочет уйти от меня.

Ловлю ее руку.

— Не отпущу, пока не расскажешь.

— Я... не знаю, что это было, — смущается она. — Просто ощущения...

— Ощущения? — переспрашиваю, подтягивая к себе.

— Да. Такие знакомые. Будто...

— Будто подобное уже было? — заканчиваю за нее.

— Да.

— И что же тебя так смутило?

— Не хочется думать, что я была потаскухой, — выдавливает она.

Выдергивает руку и неторопливо идет к двери. Я поднимаюсь, устало потирая переносицу. Сейчас бы спать завалиться. Да не могу отпустить ее. Кладу руку на дверь. Соблюдаю дистанцию, однако чувствую тепло ее кожи на своей.

— Ты же цветочек нежный. Ну какая из тебя потаскуха? К тебе прикоснись, — скольжу пальцами по тонкой шее, — и ты уже дрожишь вся. Опытные девочки так себя не ведут.

— Буду знать, — обиженно выдает Аня и с психу дергает ручку.

А я на ее шею залип. Склоняюсь. Касаюсь губами. Аня сдавленно стонет и тут же поворачивается в моих руках.

— Мы же почти не знакомы! Верно? — выдает с надрывом. — Вы были моим начальником и что же... я... Я так просто... отдалась?

— Так вот что тебя беспокоит? Волнуешься, что мы мало знакомы? — усмехаюсь.

Подхватываю на руки. Возвращаю на кровать.

— Ну, давай знакомиться, — выдыхаю, укладываясь под одеяло.

— Что вы делаете?

— Устал я. Но пока не усну, можешь спрашивать обо всем, что тебя интересует. Уходить не разрешаю. Трогать не буду.

Немного подумав, Аня все же решается задать вопрос:

— Вы знаете обо мне хоть что-то?

— Ты у меня в «Голде» барменом была. Особо ни с кем не общалась. Клиенты от тебя тащились, конечно. Еще бы, кукла такая... Но я никогда ни с кем тебя не видел. Так что не выдумывай там себе ничего. Приличная ты девочка. — Задумываюсь на несколько секунд и продолжаю: — Я тебя сначала вообще брать не хотел. Но ты как пиявка прицепилась. Три дня штурмовала мой кабинет, пока я не сдался. Взял на испытательный срок. Бутылок ты, конечно, перебила немерено. Но твоя настырность подкупала. Вот я и оставил тебя. Пришлось даже на твой размер отдельно платье фирменное заказывать. Ты у нас, так сказать нестандарт.

Замолкаю, удивляясь, что, оказывается, знаю о ней больше, чем предполагал.

— Почему это было для меня так важно? — тихо говорит она себе под нос.

— Я тоже удивился твоей настойчивости. Вроде не такая уж престижная работа для пай-девочки. Потом понял.

— Поделитесь наблюдениями?

— Ты петь хотела. У меня единственного в городе в клубе не голая электроника стоит. Тебе микрофон нужен был.

— Я пела? — удивляется Аня.

— Потрясающе, — зевнув, киваю я.

— Почему тогда не в певицы сразу напрашиваться?

— Трусиха ты. Дрожала каждый раз, когда после закрытия клуба перед пустым залом на сцену выходила. Боялась.

— А вас, значит, не боялась?

— Нет, — нагло вру, чтобы она не решила снова стесняться своего голоса передо мной.

— Значит... между нами действительно что-то было?

— Мхм, — мычу я. — Когда выздоровеешь, повторим.

— А если не выздоровею?

— Выздоровеешь, невеличка. — Подтягиваюсь к ней и кладу голову на ноги. — Если спать не хочешь... споешь для меня?

От авторов:

Всем привет!

Спешим предупредить, что история обещает быть потрясающей!

Непреренно подписывайтесь на наши странички! Ну и, конечно, заглядывайте в предысторию наших героев! Строго 18+! Активная ссылка на предысторию в аннотации!

<https://litnet.com/shrt/r7uf>

"Ты моя слабость"

— Больше не хочешь петь только для меня? — усмехается он.

Темный взгляд нагло скользит по моему телу. Облизываю губы, чем привлекаю внимание чёрных глаз к своему рту.

— Я же не для вас... ну, то есть я же не знала, что вы здесь. Иначе бы...

— Иначе бы не стала, — растягивает он понимающе. — И как планируешь справиться?

— С ч-чем?

— Со страхом, — он вдруг резко подаётся вперёд и ловит мою руку. — Ты же даже сейчас вся дрожишь. А ведь мы всего лишь разговариваем.

Мерещится, что сильные пальцы поглаживают мое запястье.

— Такая пугливая. Посмотрим, как долго ты будешь пытаться прятать свой страх, вместо того, чтобы предпринять что-нибудь...

С любовью, Алиса и Саша!

Глава 2

ГЛЕБ

Открываю глаза и какое-то время просто продолжаю смотреть на цветастый принт. Незнакомый. Уж явно все эти бабочки-цветочки не соответствуют моему стилю. Предпочитаю классику. А это слишком экстравагантно, даже чтобы использовать в качестве постельного белья.

Где мои чертовы консервативные серые простыни? Вижу только цветочки. Они отчего-то шевелятся, будто дышат.

До меня наконец доходит, что это атрибут одежды. Поворачиваю голову и утыкаюсь взглядом в подбородок хозяйки пестрого принта.

Вот черт...

Что я тут вчера устроил? Осторожно поднимаю голову с колен девушки и тут же запускаю пятерню в свою шевелюру. Башка трещит. Сколько я вчера выпил? Знаю ведь, что градус влияет на меня не слишком благотворно, и все равно время от времени прикладываюсь.

Это все от безделья.

Проблема в том, что я не чувствую дурмана в привычном смысле. Однако что-то меняется внутри. Веду себя странно. Делаю что-то, мне несвойственное. Словно становлюсь другим человеком.

Я же и эту девчонку тогда с дуру... Дьявол!

Хорошо хоть, не додумался повторить этой ночью. Иначе точно не отделался бы.

Конечно, голос у нее действительно потрясающий. Но это еще не повод для совместного проживания. Все равно, как если бы мне духовой оркестр слушать нравилось. Это же не значит, что я обрадуюсь, найдя музыкантов в своем доме.

А собственно, что меня пугает? Вроде в любви не клялся. Замуж не звал. У меня перед ней никаких обязательств. Да, беспомощная. Но я не сиделка. Есть же интернаты какие-то...

На мгновение замираю, залипнув на мирно опущенные реснички. Что-то во мне словно противится пробуждению. Но я должен поскорее прийти в себя, чтобы выгнать этого сентиментального ублюдка из своей души, а незваных гостей — из дома. Ощущение, будто у меня скоро разовьется биполярное расстройство на хмельном фоне.

Убедившись, что девушка все еще крепко спит, поднимаюсь с кровати. Прихватив с тумбочки телефон, иду в кухню, желая заварить крепкого кофейка, выпить аспирин и привести себя в порядок к пробуждению гостей.

Аня. Точно. Надеюсь, она ничего себе там не надумала.

— Лариса, — рычу в трубку, — ты окончательно рамсы попутала?!

— Ну что опять, Геш? Не трогала я карту...

— Я тебе нянька?! — перебивая сестру, громыхаю в трубку, даже игнорируя идиотское прозвище, которое запретил ей использовать в свой адрес. — Какого хера в моем доме делает эта девица беспомощная?!

— Э-э-э... ты вернулся? Я... это... собиралась тебя предупредить, но...

— Немедленно увези! — требую я, все еще чувствуя некое сопротивление в душе. Ничего-ничего, сейчас отойду окончательно и отпустит.

— В смысле? По-твоему, она котенок, которого можно так просто пристроить в добрые руки?

— Мои — тоже не добрые! — рычу я, припоминая то, что вытворял вчера. Чуть калеку не развел. Оно мне надо? — Сейчас же решай вопрос!

— Ну не на улицу же мне ее...

— Мне плевать!

— Ну, раз тебе плевать, ты и выставляй. А я в горах, пока снег не растаял. Вот на лыжах покатаюсь, и придумаю что-нибудь.

— Лара! Не смей...

Телефон пиликнул.

— ...класть трубку. Сука!

До боли сжимаю в руке мобильник. Вот же... Перезванивать бесполезно. Зная умение сестры от меня прятаться, на мои звонки она в ближайшие дни точно не ответит. Можно было бы попробовать позвонить Гарику, но эта стерва и дружба своего натакала, чтобы он не реагировал.

Пытаюсь вспомнить, как вообще так вышло, что я взял шефство над этой отвязной девицей. Мы ведь даже не росли вместе. Нас только мать связывает.

Когда мне было пятнадцать, появилась на свет Лара. Свет очей родительских. Тогда как со мной у отчима возникли явные нелады. Поэтому уже через год после рождения сестрички я ушел из дома.

Сам себя слепил! Через такую грязь пробился.

Много лет прошло, когда я узнал, что отчим умер. К матери поехал. Посмотрел, в каких условиях живут мои родные. Охренел. Купил им квартиру. На ноги Лариску поставил.

Когда мать умерла, сестрице еще и восемнадцати не было. Кажется, я в тот день тоже перебрал. Подумал: как же, родной человек будет скитаться не пойми где, при живом брате. Вот и посадил ее на шею.

Ну, очевидно, что воспитатель из меня никудышный. Некогда было. Все крутился, как белка. Вот и упустил момент, когда сестрица, задействовав все мои финансовые вливания в нее, покатила по наклонной. За учебу башляю — потому что учиться ни хрена не хочет. Вся в тусовках. Завсегдатай моих же клубов. Чуть ли не каждый день то из одного, то из другого звонят ребята, которых я надсмотрщиками над ней поставил.

Выливаю половину кофе из турки в чашку. По инерции сварил на двоих. Всегда так делаю, когда в моей постели девушка.

Но эта ведь не считается...

Стискаю челюсти. Нервно отталкиваю высокий стул и опускаюсь за бар. Зачем я вообще начинаю пить? Знаю ведь, что херню творить начну.

Вечера я обычно провожу в клубе. Почему? Не сказать, что там без меня не справляются. Сеть отлажена отлично и можно спокойнехонько отсиживаться дома. Ну, или же где-нибудь на Сейшельских островах, неважно. Однако где бы я ни находился, это раздражающее чувство преследует меня. Будто я один. Такая угнетающая пустота, даже когда вокруг толпа.

И я наливаю себе стаканчик, чтобы заглушить ее. Затем еще один. И еще. В голову начинают лезть мыслишки, что еще не поздно все изменить. И вот наружу является совершенно другой человек. Зато он не страдает от пустоты в душе. Он строит потрясающие своим идиотизмом планы. Как он обзаведется семьей и станет примерным мужем и отцом.

А пока из меня даже брат путевый не вышел.

В адекватности я тоже, бывает, планы строю. Только обычно это стратегические решения по расширению бизнеса, покорению очередной вершины и укоренению своих позиций на рынке. Этого достаточно, чтобы на какое-то время заткнуть дыру.

Смотрю на телефон, отчаянно перебирая в голове, на кого бы сорваться. Придумал.

— Доброе утро, Глеб Виталич, — сонным голосом лебезит в трубку домработница. — Как командировка? Скоро ли домой?

— Надежда, вы мне ничего сказать не забыли?! — звенящим голосом задаю наводящий вопрос.

— А что?

По голосу чую, что понимает — не из праздного любопытства интересуюсь.

— Какого. Хера. В моем доме. Посторонние? — выговариваю я, даже не повышая тон.

— Ой! Это... Лариса Ивановна сказала, что обо всем с вами...

— Разве я не предупреждал?! Сообщать мне о каждом подозрительном действии Ларисы Ивановны, даже если она клятвою заверяет, что со мной это оговорено! Забыла уже ту вечеринку? После которой я вас всех из ментовки вытаскивал!

— Ой, не забыла! Не забыла, благодетель вы наш! Не гневайтесь! Последний раз! Чес-слово...

— Чтобы к десяти была здесь! — заканчиваю я разговор. — В своем уме надо быть, чтобы слепую девчонку на все выходные одну в чужом доме бросить...

Кладу трубку, не понимая, зачем добавил последнее. Не отпустило еще, наверное. Отбрасываю телефон на стол. Беру кружку с кофе, намереваясь отпить, но замираю, услышав возню в коридоре.

Проглатываю затарабанившее в горле сердце. Я как вор. В собственном доме. Что еще за реакция?

Боюсь, что она слышала что-то? Так это и хорошо. Чтобы не питала никаких надежд относительно нашего совместного проживания. Пусть ищет, кому позвонить, чтобы забрали...

Сирота.

Чертов внутренний голос, похоже, все еще противится адекватности. Ну я же не мать Тереза, вашу Машу!

Максимум, можно разок повторить... как тогда. на рояле. Шумно выдыхаю, чувствуя, что меня начинает накрывать запоздавший утряк. Исподлобья гляжу, как в кухне появляются тонкие пальчики, ползущие по стенке. Одно из сказанного ночью все же правда. Повторить я бы все еще хотел.

Эта ее наивная простота мне зашла.

С грохотом опускаю чашку обратно на блюдце, так и не сделав ни одного глотка. Девочка вздрагивает и будто пытается осмотреться.

Морщусь от неприятного чувства в душе. Даже не могу определить его корни. Стыд? За то, что я, бесчувственное животное, калеку гнать собрался? Или... за то, что бесчувственное животное эту калеку хочет до треска в ушах?

— Доброе утро, — тихонько так.

А я хватаюсь за голову. Что-то нехорошее поднимается в душе. Не могу смотреть на нее. Беспомощную такую.

— Доброе, — шиплю, сжимая челюсти.

— Глеб, вы...

— Витальевич! — поправляю я зачем-то. Будто отчество может помочь нам сохранить дистанцию.

— О, — вздыхает девочка, замирает на входе в кухню и сжимается в нервный комок, — конечно. Простите, Глеб Витальевич. Я хотела спросить: вы уже завтракали? Я могла бы яичницу приготовить. Пока только это, правда, приловчилась.

— Нет уж, спасибо. У меня и так скоро белок из ушей ползет.

Отворачиваюсь, когда незваная гостья подходит к холодильнику. Пытаюсь сосредоточиться на кофе, однако нечто вроде любопытства все же берет верх. Бросаю взгляд на Аню и каменею, невольно втягивая пресс. Она наклоняется в поисках сковородки. А я глаз не могу оторвать от этих чертовых шортиков, что вчера испытывали мою терпимость.

Смотрю, как ее длинные темные волосы рассыпаются вуалью, закрывая от меня сосредоточенное лицо. Аня выпрямляется, сматывает непослушную копну в жгут и заворачивает на затылке. А я все еще не могу выдохнуть.

Наконец начинаю себя чувствовать. Пальцы невольно сжали столешницу. Резко отпускаю, будто меня поймали с поличным. Вскидываю и выхожу из кухни. Замираю в коридоре, пытаюсь привести мысли в порядок. Прикрыв глаза, с усилием тру лоб.

Дьявол! Так дело не пойдет. Надо решать, что с ней делать. Скоро придет домработница, вот с ней и поговорю. Может, она возьмет Аню к себе. Судя по всему, Лара ей приплатила, чтобы та приглядывала за девчонкой. Значит, я еще добавлю, лишь бы она избавила меня от этой проблемы.

Резко распахиваю глаза, когда с кухни раздается грохот.

— Ай... — даже не стон, скорее болезненный выдох.

Заглядываю за угол и напрягаюсь всем телом. Чертов кофе! Сдерживая отборный мат, врываюсь в кухню. Даже не знаю, за что схватиться. Девчонка стоит с поднятыми руками. На светлых шортах — контрастное пятно от кофейной гущи, что раскаленными струйками скатывается по обнаженным бедрам, оставляя воспаленные дорожки на нежной коже.

— Что ты натворила? — рычу, хватая полотенце.

— Я... н-ничего. Только х-хотела сковородку поставить, — хнычет Аня.

Опускаюсь на колени перед девушкой. Осторожно собираю с ее кожи остатки кофе грубой тканью. Вижу, как у нее от боли подкашиваются ноги. Но звука не издает. Поднимаю голову. Губу закусила. Зажмурилась. Она сильнее, чем кажется.

Бросаю виноватый взгляд на плиту. Чертов кофе! Будь он трижды проклят. Надо бы убраться за собой турку с остатками кипятка с плиты, пока в доме незрячая...

Стоп. Вообще-то я рассчитываю, что уже сегодня вопрос с ее пребыванием в моем жилище решится в мою пользу.

— П-подождите, — мямлит Аня. — Надо газ выключить.

Поднимаюсь на ноги. Щелкаю конфорку и подхватываю девушку на руки.

— Не нужно.

— Я сам решаю, что нужно, а что нет, — отрезаю холодно, выходя из кухни.

Толкаю ногой дверь в свою комнату. У меня прямо драное дежавю. Только теперь я обхожу кровать стороной и направляюсь напрямиком в ванную. Вхожу вместе со своей невесомой ношей под душ. Ставлю Аню на ноги и осторожно тяну шорты вниз.

— В этот раз даже сопротивляться не станешь? — иронично замечаю я.

— А толку? Если вы задумали дурное, то мне вас явно не остановить, — бормочет она, но тут же, будто спохватившись, добавляет: — Но если бы вы хотели мне навредить, то сделали бы это еще вчера.

— Ошибаешься. Сегодня я куда хуже, чем вчера.

Шорты падают к нашим ногам. Аня обреченно опускает голову, покорно дожидаясь моих дальнейших действий. Включаю воду, чтобы нарушить воцарившуюся неловкую тишину.

— Я вас чем-то расстроила? — спрашивает тихо.

Игнорируя вопрос, наклоняюсь, чтобы оценить ожоги. Над резинкой трусов отчетливо виднеется обожженная полоса. Прямо там, где еще ночью были мои губы. Словно клеймо.

Это бесит. Будто это я виноват, что ей больно.

— Вы не ответите?

— Не расстроила, — отсекаю.

— Но я же чувствую: вы напряжены, будто я сделала что-то не то. У вас голос совсем другой...

Удивленно смотрю на свои пальцы, что замороженно застыли перед мягким хлопком. Отдергиваю руку.

— Снимай трусы. Обмойся. Я пока схожу за чистым бельем, — приказываю и выхожу из ванной.

Пока еще могу.

Чувствую, как кровь будоражит сам факт, что она у меня в душе полностью обнаженная. Да что ж за хрень? Может, просто взять ее, чтобы это чертово предвкушение перестало тянуть жилы? Изврат какой-то.

Вхожу в соседнюю со своей комнату.

Для незрячей девчонка весьма аккуратна. Каждая вещь в этой комнате лежит на своем месте. словно под линейку.

Подхожу к будуару, рядом с которым на полу стоит потрепанная дорожная сумка. На столике в стройный рядок лежат резинки для волос, расческа, станок для бритья, коробок ватных палочек, маникюрный набор и много других полезных мелочей, некоторые из которых вызвали у меня неуместный приступ тревоги.

Невольно прикрываю глаза. Неторопливо веду ладонью над разложенными тут предметами, едва касаясь их кончиками пальцев. Пытаюсь воссоздать в своем сознании, что значит «видеть» на ощупь. Шумно выдыхаю, открывая глаза.

А если учесть, что она сирота... И память потеряла... И ни одного родного человека рядом...

Терпеть не могу тему одиночества. Аж захотелось налить себе стаканчик.

Такую беспомощную — и на улице?

Опускаюсь на банкетку у трюмо. Запускаю пятерню в волосы. Не думай об этом! Не думай! Тебе не должно быть до нее дела. На улице живет столько беспомощных людей... Женщины, дети, старики. Что, всех в дом потянешь, мать Тереза?

Чувствуя явное раздражение из-за своих двойственных желаний, ныряю рукой в дорожную сумку. Вынимаю жменю шмоток и бросаю на кровать. Ширпотреб какой-то. Она в этом ходит? Лара хороша. Могла бы и купить немощной подруге что-то поприличней.

Еще один заход в сумку, и моему взгляду является нечто знакомое. Золотистое платье-мини. Униформа клуба «Голд». Сшитое на заказ для миниатюрной барменши. То самое, которое я тогда с нее срывал...

Мой организм тут же откликается на хранящую воспоминания вещицу. Однако... Непонимающе кривлю губы, расправляя платье. Рваное. В душу закрадывается неприятное чувство. Это ведь не я сделал? Вроде я тогда не настолько перебрал...

Зачем-то заглядываю внутрь платья, и руки непроизвольно вздрагивают. Внутри ткань немного светлее, чем снаружи. Поэтому там отчетливо проявляются кровавые пятна. Буквально все платье в крови! Что за...

Забыв, зачем вообще пришел в эту комнату, возвращаюсь в свою. С грохотом открываю дверь в ванную. Зачем-то сжимаю перед собой окровавленное платье и с ходу задаю вопрос:

— Какого числа ты попала в аварию?

— Что? З-зачем...

— Ответь!

— П-пятого. Декабря. Мне сказали, что меня рано утром привезли в больницу.

Мне нечего сказать...

Я беседовал с бухгалтером и обнаружил нехилую дыру в бюджете, в очередной раз организованную моей сестрой, после того как я начал контролировать ее карманные расходы. Но не деньги меня расстроили, заставив охмелеть человека, который обычно не ощущает градуса. После недолгих изысканий и пары звонков старым знакомым я узнал, на что моя сестрица спускает деньги. Дурь.

Мой отчим — отец Ларисы — сторчался. И мы оба знали, что ее ждет, если она не прекратит. Но как помочь ей, я не знал. Вот и перебрал, пока раздумывал.

Пятого декабря.

А потом сдуру тронул ту, которой планировал втихаря восхищаться. Издалека. Не прикасаясь. Но я ведь животное. Не зря у меня было ощущения, что я причастен к ее боли. Рано утром... Значит, это она от меня так сбежать хотела, что...

Дьявол!

Нечто, напоминающее чувство вины, скрутило органы в тугой узел. Зачем оставалась так безропотно, если боялась меня? Я же не маньяк какой! Почему не отказала?!

Поднимаю взгляд на Аню. Влажные пальчики судорожно сжимают какую-то мокрую тряпку, явно желая спрятать обнаженное тело от недобрых глаз. Моих недобрых...

Хватаю с крючка большое полотенце. Подхожу ближе и сгребая девчонку в охапку. Несу в ее комнату.

— Знаете, я бы... хотела уйти. Лариса говорила, что я не стану обузой, но...

— И куда же ты пойдешь? — перебиваю я, когда мы входим в ее комнату.

— В больнице говорили про интернат...

— Искать его как будешь? На ощупь?! — раздражаюсь.

Девочка вздрагивает в моих руках. И я сжимаю зубы, осознавая, что перебарщиваю.

— Со мной останешься. Ты сказала, врачи обещали, что все восстановиться должно. Вот тогда и уйдешь.

Опускаю Аню на край кровати. Начинаю складывать вещи, которые разбросал тут до этого. Но не кладу их обратно в сумку.

— Теперь твои вещи будут лежать в шкафу. Четвертая полка снизу — кофты, — терпеливо объясняю, методично раскладывая одежду по полкам. — Третья — джинсы. Вместо второй полки — ящик. Там белье.

Вытаскиваю из потрепанной сумки стопку хлопковых трусиков. Аккуратно складываю в ящик. Последние задерживаю в руке.

Упираюсь головой в торец шкафа. Ну точно. Изврат. Чувствую, что возбуждаюсь, непроизвольно гоняя в голове воспоминания о той ночи.

Слышу возню за спиной. Как преступник сжимаю кулак, пряча улику. Поворачиваюсь. И прижимаюсь к шкафу, потому что Аня неторопливо приближается ко мне. Сжимает на груди полотенце. Свободной рукой ведет перед собой.

Пальчики утыкаются мне в грудь. Невесомая ладошка всего секунду движется по моей майке. Аня вдруг вздрагивает, хочет отстраниться. Ловлю ее запястье.

— Вы не ушли еще? — почти шепчет она. — Я не хотела...

Подтягиваю ее к шкафу. Сам становлюсь за ее спиной. Беру ладонь в свою.

— Вот, — подвожу ее пальцы к одной из полок, — здесь кофты. Тут джинсы.

Прикрываю глаза, чувствуя, что она пахнет мной. Все ее тело — моим шампунем. Дергаю ящик:

— Тут белье.

Вкладываю в ее ладонь припрятанные трусики:

— Одевайся пока. Я разложу остальное. И пойдем завтракать.

Глава 3

АНЯ

Зажимаю подмышками полотенце и быстро натягиваю трусы. Судя по звукам, он все еще в комнате. Раскладывает мои вещи. Я слышу, как время от времени шуршит моя дорожная сумка.

Даже не знаю, рада ли я тому, что этот грозный мужчина принял меня, или страх все же преобладает.

Конечно, я боюсь его. Признаться, я вообще всех людей теперь боюсь. Не зная, каким человеком я была до аварии, ориентируясь только на звук и осязание, сложно понять, насколько можно кому-то довериться.

Лариса взрывная. Я чувствую ее энергию, даже не прикасаясь. Она вечно суетится. Что-то тараторит. И всегда поторапливает меня.

Тетя Надя, напротив, двигается очень размеренно. По моим ощущениям, она весьма грузная женщина. Или же у нее какие-то проблемы с ногами. Говорит она отстраненно-холодно. В ее присутствии я чувствую себя так же неловко, как и в обществе Лары.

Но с этим мужчиной все иначе...

Он странный. Ночью был таким заботливым и нежным, что я даже умудрилась уснуть в его кровати, пока пела ему песни.

Тот факт, что между нами что-то было, выбил меня из колеи. Еще бы, первый мужчина в моей новой жизни — если не считать врачей, — и тут же такое открытие.

Сложно было обойти стороной предположение, что я была не самой примерной девочкой. Хотя все во мне и противилось этой версии моей прошлой жизни. Я бы вообще подумала, что он соврал. Но мое тело весьма однозначно отвечает на его прикосновения. Я лишилась памяти и зрения. Но рассудок вроде в порядке. Его большие руки действительно кажутся знакомыми. И почему-то действуют на меня успокаивающе. Будто помогают обрести равновесие.

Могу ли я и правда остаться рядом с ним? Хотя какие у меня варианты? Куда я такая могу пойти? Разве что в интернат? Но чтобы до него добраться, мне потребуется помощь. А этот мужчина ясно дал понять, что отпускать меня не намерен. Что странно после того, что я услышала сегодня утром.

Интересно, почему он вдруг передумал выгонять меня? Он явно не рад непрошеной, да еще и беспомощной гостье в его доме. Я слышала, как он ругался с Ларисой. И как отчитывал тетю Надю.

Первым порывом, конечно, было немедленно убираться из его дома. Не хочу быть обузой. Сама понимаю, насколько я тут не к месту. Осознаю, насколько обременительна для этих едва знакомых людей. Ведь я даже элементарных вещей без помощи сделать не могу.

Но пришлось проглотить свою гордость после всего услышанного.

Я нуждаюсь в нем. И судя по его словам ночью — мы не совсем чужие люди. Даже если этого недостаточно, чтобы брать на себя ответственность за беспомощную инвалидку, я сделаю все возможное, чтобы меня не прогнали.

Ненавижу это все! Чувствую, как к горлу слезы подкатили. Психую, не в силах одновременно удержат полотенце и при этом застегнуть лифчик.

— Серьезно? — слышу скептический выдох за спиной. — После всего будешь продолжать прикрываться от меня?

Голос приближается. Теплые пальцы касаются спины, которая невольно выпрямляется от этих прикосновений. По тому, как стянуло грудь, понимаю, что непослушные крючки наконец попали в петельки. Глеб Витальевич, как куклу, поворачивает меня к себе лицом и довольно грубо выдергивает из-под бюстгальтера полотенце.

— Так и будешь до ужина возиться? — бросает зло.

Я ежусь от холода в его голосе. Вчера он казался совсем другим. Я догадывалась, что он попросту пьян. Но не думала, что перемены окажутся столь кардинальными. Замираю, когда мне на голову натягивают легкую ткань. На секунду теряюсь.

— Руку просовывай, — велит строгий голос, которому я тут же хочу подчиниться.

Еще не понимаю, куда что просовывать, но поднимаю перед собой предательски дрожащую ладонь. Я буквально кожей ощущаю его раздражение. И мне неловко от этого. Словно я снова теряю зыбкий баланс. Голова начинает кружиться...

Однако стоит ему взять мою ладонь в свою, как я тут же заземляюсь. Спасительная рука увлекает меня за собой. И я следую уверенно. Только на ходу ощупывая платье, что оказалось на мне.

По резкому запаху кофе понимаю, что мы вошли в кухню.

— Твою мать, — устало выдыхает обладатель спасительной руки.

— Тут, наверно, бардак? — спрашиваю я, ощущая жар от его плеча на своей щеке.

Поднимаю глаза чуть выше этого тепла. Туда, где предположительно должны быть недовольно нахмуренные брови. Я даже вполне ярко могу представить, какие эмоции сейчас читаются на его лице. Губы сжаты в жесткую линию, между бровей пролегла складка, а глаза в ярости мечутся по кухне, оценивая масштабы организованной мной кофейной катастрофы. Интересно, какого цвета эти глаза...

Из моих рук вдруг ускользает теплая ладонь. Я приоткрываю рот в немом протесте, но тут же закрываю его, когда эта ладонь ложится на мое плечо и заставляет пятиться.

Упираюсь спиной в прохладную стену и так и остаюсь стоять, пока мужчина, матерясь себе под нос, суетится в просторной кухне, наводя порядок. И благодаря этим ругательствам я словно могу наблюдать за его перемещениями.

Мне стыдно. Чувствую, как жаром обдаёт щеки, но сделать ничего не могу. Сейчас попытаюсь ему помочь — только еще хуже сделать. Вот и стою послушно у стены.

— Иди ко мне, — неожиданно велит строгий голос.

Не задумываясь, подчиняюсь. Отлипаю от стены и двигаюсь в ту сторону, откуда донесся голос. Знаю, что он смотрит. Прямо чувствую. Поэтому стараюсь ступать осторожно, не выглядя при этом слишком неуклюжей.

Ничего не выходит. Босые ноги, как назло, скользят по влажному полу. Выставляю перед собой руку, пытаюсь поймать равновесие.

Но оно само меня ловит.

Сильная заземляющая ладонь смыкается на моем запястье. Мужчина нетерпеливо подтягивает меня к себе. Невыносимо хочу коснуться его лица, чтобы понять, что он сейчас чувствует. Должно быть, снова злится...

— Кашу знаешь, как готовить? — задает он вдруг вопрос, которого я явно никак не могла ожидать.

— Что? — удивленно выдавливаю.

— Не все ж яичницу есть, говорю, — ворчит он. — На случай, если снова придется остаться одной, лучше приноровиться готовить что-то более полезное.

Опускаю голову, осознавая, к чему он ведет. Видимо, рука не поднимается выгнать меня, такую беспомощную. А если я буду в силах хоть немного сама о себе позаботиться, то будет не так неловко меня выставить.

Глеб Витальевич поворачивает меня к себе спиной. Большая ладонь ловит мою руку и тянется вверх. Касаюсь пальцами чего-то гладкого, но чувствую только его пальцы на своей коже. Дышу глубоко, стараясь сосредоточиться на том, чего он от меня хочет. Но все отвлекаюсь на жар чужого тела, согревающий спину.

— Здесь любую найдешь, — начинает голос за спиной.

А я пытаюсь вспомнить, о чем он говорит. Каша! Точно.

— Хм-м, — замылся он, видимо о чем-то задумавшись. — Придется запоминать порядок. Причем, похоже, нам обоим... — Устало выдыхает мне в затылок: — Первая — рис, вторая — гречка...

Начав перечислять бакалею, сосредоточенную на полке, он будто бы случайно подходит ближе, невольно припирая меня своим телом к нижним шкафчикам. Я чувствую его дыхание за ухом. Тянемся мы достаточно высоко, но голос путается в моих волосах. Похоже, он вовсе не на каши смотрит...

Кладет ладонь на мой живот. Прижимает к себе еще теснее. Замолкает. Тянет носом запах моих волос. И я начинаю дышать чаще. Он хочет меня. Я чувствую. Этот факт сбивает с толку.

Непроизвольно стискиваю бедра. И покрываюсь мурашками, когда в мои волосы врывается сдавленный стон. Похоже, с кашами меня ждет беспощадный рандом. Я ничегошеньки не запомнила. Мозг напрочь отключается и отказывается включаться.

Кончиками пальцев продолжаю бездумно скользить по картонным коробочкам, невольно раздумывая о том, почему Глеб все еще не отпускает мою руку. Мерещится, будто шершавые пальцы поглаживают мое запястье. Едва ощутимо скользят дальше по руке. Проходятся по плечу, оставляя за собой обжигающий след. Осторожно собирают волосы с шеи...

— Лучше, — говорит хрипло и продолжает, прочистив горло: — собирай повыше. Когда готовить будешь. Чтобы не опалить.

Говорит как-то прерывисто, не прекращая мягко скручивать мои волосы в жгут.

Киваю, шумно сглатывая.

Глеб отстраняется, оставляя мое тело без своего тепла. А я пытаюсь понять, сколько из того, что сейчас было, приукрашивает мое воображение.

— Доставай, какую сейчас хочешь, — велит голос из-за спины. Теперь он снова кажется раздраженным. — Где сковородки ты, видимо, уже знаешь. Там же ищи молочник.

Опускаюсь на корточки и нащупываю ручку глубокого ящика, в котором мне пару дней назад посчастливилось отыскать сковороду. Открываю. Шарю рукой по посуде. Нахожу небольшую кастрюльку и поднимаюсь на ноги.

— Хорошо, — наставительно диктует мужчина. — Теперь вода.

Я послушно направляюсь к крану. Берусь за вентиль.

— Подожди, — останавливает меня наставник.

Берет мою свободную руку и прижимает большой палец к внутренней стенке кастрюльки, тогда как остальные пальцы остаются снаружи.

— Лей воду, пока она не коснется кончика твоего пальца.

Пока я выполняю указания, на мое запястье ложится прохладный материал.

— Что это?

— Часы.

Я невесело усмехаюсь:

— Шутите?

— Похоже, что мне до шуток? Это умные часы. Тут сбоку круглая кнопка. Зажимаешь и говоришь: поставь таймер на тридцать минут.

Электронный голос отвечает ему.

— Для гречки это слишком много, — пытаюсь возразить я.

— Нет, если учесть, что вода сначала должна закипеть.

Он снова берет мою руку и подводит к скользкой, наверное, глянцевой коробочке.

— Всегда клади пакетик в холодную воду. Чтобы не обжечься. Когда таймер сработает, просто выключаешь плиту и ждешь, пока молочник немного остынет. Не спеши.

— Спасибо, — бормочу себе под нос, на ощупь включая плиту под кастрюлькой.

— Это не для тебя. Я себе пытаюсь жизнь облегчить, пока ты будешь находиться в моем доме.

Съезживаюсь от неприязни в его голосе. Я понимаю. Понимаю, что не имею права здесь находиться. Но...

— Я не хотела, чтобы так вышло, — шепчу, не давая воли слезам. Еще не хватало бесить хозяина дома вечным нытьем.

Опускаю голову и отшатываюсь от плиты с намерением отойти. Вот только упираюсь спиной в широкую мужскую грудь. Слыша тяжелый вздох, поворачиваюсь и тут же отскакиваю обратно к плите:

— Простите, я не хотела...

Не успеваю договорить, как сильные руки отрывают меня от сырого пола и усаживают на разделочный стол.

Похоже, меня сейчас прямо тут и разделают. Судя по тяжелому дыханию, которое касается моего лица, Глеб готов меня линчевать.

— А чего, — рычит он, — ты хотела?

— Самостоятельно готовить вам завтраки! — почему-то выпаливаю я вместо того, чтобы подумать прежде, чем озвучить мысль.

Меня начинает потряхивать из-за напряженного молчания, воцарившегося в кухне. Бесконечная секунда раз... Бесконечная секунда два... До боли сжимаю край столешницы, борясь с желанием коснуться мужского лица, чтобы понять его эмоции.

Он близко. Я чувствую. Его дыхание касается кончика языка. Невольно облизываю губы, желая попробовать его на вкус...

— А еще, — хриплым полупшепотом спрашивает он, — чего хочешь?

— Потрогать вас, — выдаю я и закусываю губу, осознавая, как глупо это звучит. — Чтобы понять, что вы чувствуете, — пытаюсь объяснить, но выходит еще глупее.

Мужчина обнимает пальцами мои запястья и буквально отдирает вцепившиеся руки от столешницы. Кладет мои ладони на свою грудь:

— Трогай.

Правда можно? Или он намерен выгнать меня сразу после того, как я совершу такую наглость?

Однако пальцы нерешительно ползут по тонкой ткани майки. Она буквально как вторая кожа обтягивает его мощное тело. Я чувствую, как под ладонями бугрятся мышцы, и не могу оторваться.

Разве я не эмоции его оценить собиралась? Вот же...

Он огромный. Такие широкие плечи. Я чувствую, как под моими пальцами напрягаются мускулы. Будто он сдерживает себя.

Остановись, Аня. Ты переходишь черту.

Силой воли вынуждаю пальцы двинуться к мощной шее. Она напряжена. Выступающий кадык нервно дергается под моими прикосновениями. Веду пальцами выше и зарываюсь в густой щетине, ощущая, как ходят желваки на скулах. Все же злится...

Глубокая складка на переносице словно разглаживается от моих касаний. Ресницы опущены. Даже глаза закрыл, чтобы справиться с гневом из-за моей бесцеремонности. Но раз уж я уже все равно перешла черту, то дойду до конца.

Веду указательными пальцами по носу с небольшой горбинкой и наконец добираюсь до своей конечной цели.

Губы. Довольно пухлые, с четко очерченными краями. Слегка обветренные. Но вопреки моим ожиданиям, вовсе не сжатые в сдерживаемой ярости. Нет. Они расслаблены. И под мягким натиском моих пальцев они размыкаются.

— Натрогалась? — хрипит мужчина.

Киваю. Однако пальцы от его лица не отнимаю. Мне нравится это ощущение, как его губы трутся о мою кожу. Вибрация его голоса щекочет подушечки пальцев.

— Ну и что же я, по-твоему, чувствую? — продолжает он.

Неуверенно пожимаю плечами:

— Вроде злитесь, но... — Осекаюсь, когда по кончику пальца скользит горячий язык. От неожиданности одергиваю руку.

— Боишься?

Чувствую, как теперь его хриплый голос отдается вибрацией не только на подушечках пальцев, но и во всем теле. Похоже, я, наконец догадываюсь, что это за чувства...

— Н-нет, — выдыхаю прерывисто, и меня трясет в противовес ответу.

Его дыхание совсем близко. Вкус этого мужчины воспоминаниями собирается на языке. Рот наполняется слюной, словно в сознании всплыло нечто очень вкусное.

— А зря, — выдыхает он, касаясь моих губ своими, и продолжает говорить в мой открытый рот: — Это нечто животное, невеличка. Хочу тебя до одури.

Из моего горла вырывается невольный стон, скорее похожий на нервный выдох. Будто весь воздух из легких выкачали одним словом. Хочет. И ведь сейчас он абсолютно трезв.

Как же я хочу его сейчас видеть! Хочу видеть, что говорят его глаза. И помнить, какого они цвета.

Но все это растворяется, когда мой рот оказываются в плену жадных губ. На затылок ложится тяжелая ладонь. До боли сжимает мои волосы, вынуждая сдавленно пищать.

Свободной рукой Глеб подтягивает мои бедра, прижимая меня к себе. Он меня действительно хочет. Значит, весь этот двойной подтекст в каждом его действии мне не мерещился? И это не было просто пьяным бредом?

Нерешительно касаюсь кончиками пальцев мощной шеи. В мой рот врывается удовлетворенный рык.

Но я тут же вздрагиваю, слыша, как за стеной щелкает замок входной двери. Глеб немного отстраняется, продолжая сжимать мои волосы в кулаке.

— Но связываться с инвалидкой — это слишком даже для меня...

Глава 4

ГЛЕБ

Еще секунду гляжу в огромные невидящие глаза, наполняющиеся слезами. Отшатываюсь. Я же только хотел держаться подальше! Зачем гадостей-то наговорил? На кой хер поцеловал?! Дьявол!

Что ж, во всяком случае, я оттолкнул ее достаточно. Даже перегнул. Но раз у меня нет сил устоять перед ней, то, может, у нее хватит. Я только что дал ей эту силу.

Тяжело дыша, исподлобья наблюдаю, как девчонка торопливо пытается сбежать из кухни. Дрожащими пальчиками скользит по стене.

Вынуждая меня податься вперед, налетает на домработницу, которая явилась в самый неподходящий момент, резко отрезвив меня. Или подходящий. Останавливаю себя. Я ж вроде решил, что не нянька.

Хмурюсь, чувствуя неприятный осадок в душе. Будто я совершил сейчас что-то непорочное. То, о чем потом могу крепко пожалеть.

— Что ты творишь? — ворчит Надежда. — Слепая ведь, а не полоумная! Куда так несешься?

— Простите, — слышу слезы в голосе Ани, хоть она и пытается не всхлипывать.

Запускаю пятерню в волосы. Так стискиваю зубы, что, кажется, сейчас они потрескаются. Воротит от самого себя! И от нее, жалкой такой!!!

Что за урод?! Забей! Займись своим делом!

— Доброе утро, Глеб Виталич! — завидев меня, домработница резко меняет интонацию. — А я чуть пораньше решила прийти! Вы ж поговорить хотели.

Принесла нелегкая...

Проводив девчонку взглядом, переключаю внимание на домработницу:

— Я вроде уже по телефону все сказал. Еще раз подобное повторится — уволю!

— Так а с девчонкой что прикажете делать? — вкрадчиво интересуется женщина.

Хлопает дверь, вынуждая домработницу подскочить на месте и покоситься в коридор.

Закатываю глаза.

— Накормить. И оставить в покое, — велю я, немного подумав.

— Как оставить? Тут?

— Хочешь к себе забрать? — Я скептически приподнимаю бровь.

— Вот еще! Только мне и не хватало обузы! В малюсенькой квартирке! Где мы с дочками ютимся! Ой, скажете, — усмехается Надежда.

А я недобро шурюсь. Значит, я не один такой недовольный подобным сюрпризом в своем доме?

— Сдали бы ее в приют. Есть же какие-то интернаты для калек, — советует добродетельница.

На секунду представляется, как я высаживаю беспомощную Аню у пошарпанных деревянных дверей интерната и уезжаю. До боли сжимаю кулаки.

— Сначала надо узнать, что к чему, — шиплю сквозь сжатые зубы. — А потом решу, как поступить.

Домработница неопределенно пожимает плечами.

— Хозяин-барин.

И удаляется из кухни.

Перевожу взгляд на край двери, что виднеется из кухни. Девчонка так ею шарахнула, что первым порывом было ворваться в комнату и напомнить, что она здесь тихая, неприметная и к тому же незваная гостья. Но чувство, что я уже и без того совершил непоправимую ошибку,

не позволяет мне сделать и шагу. Все, что остается, — продолжать стоять среди кухни, зло сжимая кулаки.

Сам не пойму, чего так вскипятился. Обычно я на самообладание не жалею. А сегодня просто крыша едет.

Долго так стою, продолжая пялиться на запертую дверь. В коридоре мелькнула Надежда и скрылась в дальнем углу. Должно быть, отправилась запускать стирку.

Едва не вздрагиваю, когда телефон на столе неожиданно начинает вибрировать. Привык, что часы о разного рода звонках заранее оповещают. Тянусь за телефоном.

Боковым зрением замечаю, что гипнотизируемая мною ранее дверь открывается. Аня неторопливо крадется по коридору, будто прислушиваясь. Заплаканные блуждающие глаза вызывают во мне новый приступ отвращения. Девочка останавливается на входе в кухню и начинает шупать часы на запястье.

Сбрасываю звонок на телефоне, даже не глянув на экран. Аня что-то облегченно бормочет себе под нос. Всклипывает, трет раскрасневшийся нос тыльной стороной ладони и продолжает красться в кухню.

А я почему-то вжимаюсь в стену. Стою неподвижно. Боюсь даже дышать.

Не хочу ее сейчас видеть. Хотя почему «сейчас»? Вообще не хотел бы знать ее. Не желаю сталкиваться с ней. Ни в своем доме, ни где бы то ни было еще. Однако продолжаю стоять и следить за ее неловкими манипуляциями.

Скользя тонкими пальчиками по изумрудно-зеленой стенке, осторожно добирается до плиты. Ловит пальцами край столешницы. Нащупывает второй справа регулятор и выключает огонь под молочником.

Точно. Она приняла вибрацию часов за таймер. Надо бы отключить синхронизацию с телефоном, чтобы всякие звонки не сбивали ее с толку.

Водит рукой над конфорками, явно желая убедиться, что газ выключен. Разворачивается, норовя убраться из кухни так же тихо, как пришла. Но почему-то замирает, остановившись спиной ко мне.

Вполборота поворачивает голову в мою сторону и прикрывает невидящие глаза. Будто прислушивается. Прерывисто вздыхает и обреченно роняет голову на грудь.

— Простите меня, — вдруг говорит еле слышно.

А у меня мороз по коже. Опять это ощущение, словно я вор в собственном доме. Меня поймали?

— Я... — начинает несмело, и я уже чувствую, что мне будет не по себе от того, что она собирается сказать. — Я буду осторожней. Чтобы не мешать вам. Вы простите, пожалуйста. Только не выгоняйте. Я просто боюсь. Поэтому, наверно, и веду себя так... бессовестно. Но такого больше не повторится.

Я же так и знал. Чувствую, как липкий стыд, пробираясь по жилам, становится комом в горле. Вместо того чтобы возненавидеть меня, она взяла на себя всю вину. Но разве кролик виноват, что какой-то ублюдок захотел его съесть?

Прикрываю глаза, откидывая голову на прохладную стену. Тяжело вздыхаю, слушая шуршание неуверенных шагов.

Нет. Нет! Я не поведусь на эту игру! Она специально разыгрывает этот спектакль! На жалость давит! Чтобы впиться в меня, как пиявка! Мало мне в жизни приживал?! Довольно! Надо решать, что с ней делать!

Открываю глаза, слыша, как к кухне приближаются грузные, но куда более бодрые шаги домработницы. Анина дверь вновь заперта.

— О, Глеб Виталич, а вы чего здесь? Я стирку загрузила. Вы уже завтракали?

— Какой тут завтрак? — бросаю я, стискивая зубы. — Я тебе сказал девчонку покормить. А ты чем занимаешься?

— Да уже, уже! — Надежда расторопно подлетает к холодильнику и принимается выгружать продукты на стол. — О, а это тут чего? Кашу сварили уже?

— Она недоваренная. Минут на десять еще включи, — предупреждаю, направляясь к выходу.

— Так тут два пакетика. Вы же гречку не едите. Зачем на двоих варили?

Игнорируя вопрос, выхожу из кухни. Войдя в свою комнату, смотрю на экран телефона. Пропущенный от Валерки. Вот черт. Я ж ему ночью звонил. Сейчас вопросов не оберусь. Но лучше побыстрее с этим разобраться. Может, он посоветует чего.

Перезваниваю.

— Предвещаю твои расспросы: вечером, — сразу отсекаю я.

Друг смеется:

— Да я ведь еще даже ничего не сказал.

— Тебе и не надо. Сам понимаю, как это выглядело. И нет, я никуда не влип. Так что расслабь булки. Вечером мне надо в «Голд» заскочить. Там и поговорим.

Закончив разговор, какое-то время продолжаю пялиться в экран телефона.

Не влип ли? Тут как посмотреть. Кажется эта девчонка — то еще болото. Со своими кроличьими глазами. Темно-золотыми волосами. Тихим голосом, который на вопрос, чего бы хотелось ей самой, на удивление уверенно отвечает: «Готовить вам завтраки».

И рот сразу наполняется слюной. Когда представляю, что она мой завтрак, обед и ужин. Кружит, такая нежная в моей рубашке, что едва попу прикрывает, по моей кухне. Босыми ногами пританцовывает по теплому мрамору. И...

Черт! На кой хер я об этом думаю?

Хмурюсь, чувствуя, что не в силах остановить навязчивые видения. Пыхчу как пылесос и сжимаю кулаки. Да только это не тот вопрос, который можно решить силой. От своих мыслей не отмахнешься.

Резко выдыхаю. Потираю переносицу. Как отключить чертову фантазию?

На деле ведь все совсем плохо обстоит. Неполноценная. С такой каши не сварить, не то чтобы детей делать. Ей от меня только опека и нужна. Наверно, рассчитывает присосаться покрепче — в голове тут же воспоминание, как еще ночью она мой палец своими губками розовыми обхватила, — чтобы попку в тепле держать. Надо сказать, весьма привлекательную по...

Да, сука! Я элементарно не могу выстроить негативную цепочку мыслей!

Хорошо, зайдем с другой стороны. Это ведь всего лишь похоть. И все. Физиологическая реакция на сексуальное молодое тело. Вполне естественно для здорового мужика. Подумаешь, слишком молодая? Подумаешь, слепая? Подумаешь, приживала и обуза на мою голову?

Все это не отменяет того, что у нее шикарное тело. Миниатюрная такая. На фоне меня будто Дюймовочка. И голос. Невольно закрываю глаза, пытаюсь воссоздать в голове хрустальные нотки ее стонов. А еще я стал ее первым...

Фу, я же всегда чурался девственниц! На кой тогда это сюда припел?!

Отчаявшись справиться с собственными мыслями самостоятельно, дергаю ручку двери и направляюсь в просторный зал, смежный с кухней. Включаю телевизор в надежде создать фоновый шум. Опускаюсь на диван. Устало откидываю голову на спинку, прикрывая глаза. Но тут же их распахиваю. Слух безошибочно улавливает тихий голосок, льющийся из кухни:

— Я, похоже, не доварила, — лепечет неуверенно.

— Ешь давай! — ворчит Надежда. — Еще я из-за тебя выслушивать должна от хозяина.

— Простите. Я же не знала...

Хмурюсь, силясь сделать вид, что ничего не слышу.

Телевизор! Упираюсь взглядом в экран и увеличиваю громкость. Деньги. Деньги. Кругом сплошные деньги. Вечный предмет проблем и обсуждений. Люди на что угодно ради них

готовы. Предавать, убивать, из шкуры вон лезть, разыгрывая из себя тех, кем на самом деле не являются. Мерзость.

А сам-то далеко ушел?

Уже и забыл, наверно. Когда сбежал пацаном из дома и даже на автобус денег не хватало. Разве не готов был глотки грызть просто за кусок хлеба? И делал вещи, которыми теперь не горжусь.

Это сейчас, имея все, легко рассуждать. Судить. И мерзостью называть. Ты сам когда-то таким же был. И притворялся тем, кем не был, чтобы элементарно выжить.

Вот и она...

Челюсти сводит от непроизвольного возвращения к нежелательным мыслям. Палец сам нащупывает на пульте кнопку. И по мере того, как звук из колонок убавляется, становится различим разговор из кухни.

— Как там ваша дочка? — вежливо любопытствует Аня.

— Нормально, — небрежно бросает Надежда. — Как ей еще быть?

— Вы просто в пятницу говорили, что она приболела.

— Приболела, — довольно резко отзывается домработница. — Потому и не смогла я прийти в выходные. Что ж я, кровиночку свою больную брошу ради чужого дитя?

— Да нет, конечно, — будто оправдываясь, отвечает Аня. — Я просто узнать хотела о ее самочувствии. И все.

— Ты давай доедай быстрее. Мне еще полы тут мыть. Развезла тут грязюку... Тьфу, кофе, что ли?

— Я наелась, — бормочет Аня. — Спасибо.

Слышу, как ножки стула скрипят по полу. Поворачиваю голову, ожидая увидеть крадущуюся девушку в просторном коридоре.

Вот и она. Останавливается. Поворачивается к кухне:

— Теть Надь, — вкрадчиво зовет.

— Ну чего еще?

— Вы, случайно, не знаете, где можно алфавит Брайля раздобыть?

— Так ясно где, в книжном магазине, — недобро усмехается женщина. — А ты неужто читать собралась?

— Хотелось бы, — разочарованно говорит Аня.

— Ты ерундой не занимайся. Вон телевизор пойдешь с Глебом Виталичем посмотри. Тебе повезло, что такой человек тебя приютил. Вежливой будь, услужливой. Да не наглей.

Почему-то каждый ответ моей обычно приветливой домработницы режет слух. Словно железо по стеклу скрипит. Какой же, интересно, она услужливости от слепой девчонки ждет?

Когда Аня скрывается за дверью в свою комнату, в раздражении поднимаюсь с дивана и направляюсь в кухню. Вижу почти полную тарелку сухой гречки, оставленной Аней на столе.

— Мне тоже положи, — велю я женщине, что принялась перемывать пол после меня.

— Кого? Гречку? Вы же ее на дух не переносите. Я вам сейчас чего лучше сварганю.

— Я хочу гречку, — настаиваю я.

— Как скажете. Тогда хоть свежую сварю. Эта остыла совсем.

— Надежда, ты меня не расслышала? Положи мне эту чертову гречку, — ровным тоном говорю я, однако чувствую, как во мне с каждой секундой нашего невысказанного противостояния нарастает раздражение.

Домработница что-то ворчит под нос, но все же выполняет требование. Наложив гречку в тарелку, она открывает холодильник и достает сливочное масло. Ставит рядом с тарелкой сахарницу.

— Не надо всего этого, — предупреждаю я.

Надежда одаривает меня недобрым взглядом. Отворачивается. Судя по действиям, подливает в тарелку воды из чайника и ставит в микроволновку. Нажимает на кнопку. И еще. И еще. Навскидку, минут на пять поставила. Поворачивается с недовольным лицом:

— Где это видано — гречку всухомятку жевать?

Бросаю многозначительный взгляд на тарелку, оставленную Аней.

— Значит не видано? — Вновь сосредотачиваюсь на суксившейся женщине, которая явно подбирает слова, чтобы мне возразить. — Даже если она в моем доме непрошенный гость, — начинаю я угрожающе, — она гость. В моем доме. Разве я не сказал доварить, прежде чем кормить?

— Да чтобы я ослушалась... — Надя хватается за сердце.

— Заканчивай этот цирк! — рываю я, поднимаясь со стула. — Немедленно все это выкинуть! Приготовь обед. Нормальный! Собралась мне в доме голодный труп организовать? Довольно с меня сюрпризов! Пока она живет под моей крышей, будь добра кормить ее полезно и своевременно!

— Да будет вам! — всплескивает руками женщина. — Вы что же, ее тут держать собрались?

— Я жду свой обед! — рычу сквозь сжатые зубы.

Еще стоило бы разобраться, так ли сильно больна ее половозрелая дочь, что она бросила слепую девчонку в одиночестве. Что-то мне подсказывает, что не сидела Надя безвылазно у постели своей кровиночки.

Я и раньше за ней замечал привирание. Да и треплется слишком много. Но еще никогда это так не выводило меня из себя.

Выхожу в коридор с намерением запереться в своей комнате, чтобы все происходящее в доме — и абсолютно вышедшее из под контроля — меня больше не касалось. Однако на секунду останавливаюсь у соседней двери. Интересно, чем можно занимать свое время, будучи незрячим?

Не. Мое. Дело! Уверенно шагаю в свою комнату и падаю на кровать. Сегодня надо бы встретиться с бухгалтером. Давненько он не отчитывался. Еще предупредить управляющего, что я вернулся...

А что бы делал я?

Сложив руки на груди, прикрываю глаза, пытаюсь представить себя слепым.

Музыка? Да, должно быть, я стал бы чаще слушать музыку. Вообще я любитель. Наверно, именно из этого пристрастия родилась идея клуба с живым звуком. Есть в моей сети и классические увеселительные заведения со стробоскопами, диджеями и электронной музыкой, кишащие обдолбанным молодняком. Но именно «Голд» должен был стать моей отдушиной.

Однако хороших исполнителей оказалось не так просто найти. Того, кто мог бы стать бриллиантом моего заведения. Одни, при прочих внешних достоинствах, пели весьма посредственно. Другие, имея неплохой талант, пропивали его в моем же баре. Третьи... Да этот список можно продолжать бесконечно. Суть в том, что текучка на место бриллианта в оправе «Голд» продолжалась бесконечно.

А ее я услышал и подумал, что наконец нашел.

Но опять ошибся.

Скептически усмехаюсь. Поворачиваюсь на бок и смотрю в огромное панорамное окно во всю стену. В ее комнате есть такое же. С выходом на террасу. Да только она об этом, возможно, даже не догадывается.

Вновь закрываю глаза. Каково это? Не знать, что тебя окружает? А главное — кто. Доверяться людям, не имея на это ни малейшего основания. Просто потому что нет другого выхода. Даже если тебя гнобят, продолжать цепляться за едва знакомых «добродетелей».

Распахиваю глаза, пытаюсь отделаться от всплывшего в воспоминаниях мерзкого чувства собственной неполноценности. Теперь понятно, почему мне претит вся эта ситуация с угнетением слабого. Сам когда-то таким был. Слабым. Пацаном, которого отчим бил просто за то, что тот был рожден от другого мужика.

«А ты заработал на это?» — слышалось всякий раз, когда я просил что-то у матери. Даже за едой нередко проскакивали язвительные шутки с его стороны с посылком: мол, нахлебник, лишний рот кормим, и все в таком духе.

Однако бесило меня даже не это. Скорее, собственное бессилие что-то изменить. Надо было закончить школу. И вот, отучившись девять классов, я наконец обрел свободу. Мне было шестнадцать.

А ей сколько? Лет двадцать, хорошо если. Недалеко от того меня ушла. Да и я зрячий был. И все равно порой продолжал чувствовать себя беспомощным. Тоже ведь за всякое дерьмо цеплялся, чтобы всплыть на поверхность. Когда ты на дне — все средства хороши. Лишь бы выбраться. Вот и она за меня цепляется. А я — то еще дерьмо.

Гордости своей на горло наступает. И просит прощения даже за то, в чем сама не виновата.

Однако гордость эта все равно упрямо прорезается. В том, как, будто против воли, выпрямляется ее спина. Подбородок, подергиваясь, ползет вверх, пока девчонка сквозь сжатые зубы говорит то, с чем на самом деле не согласна.

Непрощенные мысли прерывает стук в дверь.

— Глеб Виталич, обед, — примирительным тоном лепечет Надежда из коридора.

Сколько я так пролежал? Кажется, даже задремать успел. Потираю пальцами глаза, поднимаясь с кровати. Выхожу из комнаты. Домработница караулит у двери.

— Анну пригласила? — строго спрашиваю.

— Говорит, не голодна, — пожимает плечами женщина.

Злость закипает новой волной. Что за детский сад? Я еще нянчиться с ней должен? Толкаю дверь в соседнюю комнату:

— Немедленно... — начинаю громогласно, но тут же осекаюсь, найдя комнату пустой. — И где она?

— А я почему знаю? Только что здесь была, — бросает Надежда, возвращаясь в кухню.

В туалет, должно быть, пошла. Тянусь за ручкой, чтобы закрыть дверь, но замираю, услышав какой-то странный звук из ванной.

Выпрямяюсь. Вхожу в комнату, едва ли не крадучись. Приближаюсь к двери в ванную.

Не показалось. Рвет ее. Полусырая греча, да и той пол-ложки. Нервотрепка... Похоже, у моей гостьи на нашем «приветливом» фоне разовьется гастрит. Чувствую, что стыд снова выпустил свои мерзкие щупальца.

Ну а что я должен делать?! Каждый раз ее теперь из ложечки кормить? На руках носить? В попу целовать? Нет уж...

Дверь ванной медленно открывается, прерывая мои раздраженные мысли. Вытирая лицо полотенцем, Аня неторопливо заходит в комнату, вынуждая меня пятиться.

Хотя какого черта? Останавливаюсь. Осторожно кладу свою руку на ее плечо.

— Ой, мамочки! Кто здесь?

Ладно. Осторожно не вышло.

— Тише, — успокаиваю я. — Есть идем. Сейчас же.

— Я не...

— Это не обсуждается. — Беру за локоть и тяну к выходу из комнаты. — Тебя уже рвет с голодухи. Собралась помереть? Только не в моем доме.

Войдя в кухню, сажаю притихшую девушку за стол, на котором уже стоят дымящиеся тарелочки. Овощное рагу с мясом. На вид значительно лучше, нежели сухая греча.

— Другое дело, — киваю я, кинув укоризненный взгляд на распоясавшуюся кухарку. Сажусь напротив Ани. Она шумно сглатывает. Ну как же. Не голодна она. Еще и врать вздумала.

— Так и будешь сидеть принохиваться? — строго спрашиваю.

Над столом всплывает неуверенная рука. Пальцы осторожно скользят по поверхности в поисках вилки.

— Надежда, ложку, — веляю я, не отрывая взгляда от девушки. — И будь добра, всегда выдавай ложку нашей гостье.

— Спасибо, — одними губами произносит Аня, принимая из рук Нади столовый прибор.

Нашупывает пальцами край тарелки. Ведет краешком ложки, стараясь быть максимально осторожной. В итоге у нее ничего не выходит. И в рот отправляется пустая ложка, едва смоченная в соусе.

Черт. Почему-то это бесит меня сильнее, чем если бы она быстро закидала себе еду в рот, лишь бы избавиться от моего общества.

— Я отстану от тебя, как только ты все съешь, — шиплю сквозь зубы. — А мне, между прочим, уже пора собираться на работу. Так что поактивней, Аня.

Пыхтит, явно собираясь с духом.

— Боюсь, если потороплюсь, то у вас аппетит пропадет, — с явной обидой в голосе все же выдает она. — Это не так-то просто, как...

Замолкает. Стягивает губы в жесткую линию, давая понять, что больше говорить не собирается. И не надо. Еще она со мной пререкаться будет. Я и так все понял.

Не так просто, как зрячему. Любое привычное действие. Поест. Помыться. И даже сходить в туалет. А я подгоняю...

Проводив взглядом Надежду, которая неторопливо выходит из кухни, прикрываю глаза. Просто интересно стало. Подцепляю рагу вилкой. Тяну в рот. Вот же... Хмурясь, открываю глаза. Вилка до рта добралась пустая.

Смотрю на Аню. А она вроде справляется потихоньку. Не каждый раз, но все же.

Вспомнилось, как ночью я кормил ее сам. Сосредотачиваю взгляд на розовых губках, за которыми снова скрылась пустая ложка. Аня с очевидным разочарованием вынимает ее изо рта. Облизывает губы, явно набираясь решимости для нового захода. Таранит тарелку невидящим взглядом, будто пытается ее загипнотизировать.

Усмехаюсь. Память, может, и потеряла. А ее упорству все еще можно позавидовать. Как-никак, справляется.

Вижу, что ее порция норовит сбежать со своего керамического пристанища. Неосознанно тянусь и возвращаю рагу на центр Аниной тарелки своей вилкой.

Аня замирает. Прислушивается. Я воровато одергиваю руку.

— Что вы делаете?

— Ем, — нагло вру.

— Так тихо?

— Мне сейчас необходимо оправдываться? — довольно резко бросаю я.

— Нет. Простите. Я просто... — Она прикусывает губу, снова не закончив предложение.

— «Просто» — что? Договаривай!

— Просто... вы из-за меня, — пыхтит девчонка, явно не желая продолжать. Но все же выдавливает: — Вы из-за меня и так без завтрака остались. А сейчас на работу пойдете. Боюсь, что я вам совсем аппетит перебила своим ковырянием. Так ведь и заболеть можно...

Аня густо краснеет, будто сказала нечто непристойное. Хотя, пожалуй, отчасти так и есть. Видится мне в этом нечего интимное. То, что должно обсуждаться только между близкими людьми.

«Ты ведь на работу сейчас, поешь сначала... Я не хочу, чтобы ты заболел», — вот как прозвучали слова случайной гостьи в моей голове.

Мои брови болезненно вздрагивают. В горле образуется ком. Я ведь никогда и не услышу ничего подобного. Не заслужил.

Бросаю вилку на стол. Поднимаюсь из-за стола и выхожу из кухни.

— Разгрузочный день, бл...

Глава 5

ГЛЕБ

— Срочно мне резюме барменши, — едва переступив порог клуба, велю я первому встречному работнику. — Ани... этой, как ее?

— Хрустальной, что ли? — удивленно переспрашивает официант. — Так она ж уже пару месяцев не работает?

— Я спрашивал? — злобно рычу я. — Быстро передал в отдел кадров, чтобы мне резюме прислали.

Игнорируя суетящихся в пустом зале трудяг, направляюсь к лестнице, ведущей к моему кабинету. Клуб начнет работать только через пару часов. Однако подготовка к приему гостей, как всегда, уже кипит.

Хорошо.

Кажется, я действительно потрудился на славу. Сеть работает, как отлаженный механизм. Для этого я нашел отличного хэдхантера, который выцепляет для меня лучших специалистов. Каждый из них — профи в своем деле. Поэтому мое вмешательство теперь требуется лишь в самых крайних случаях.

Однако я заскучал. Не привык оставаться без дела. Это я понял, когда каждую ночь стал зависать в своем же клубе, скорее в качестве гостя.

Аня стала тогда последним сигналом, что я занимаюсь не тем. Я перешел грань и понял, что нужно что-то менять. Передо мной встало несколько перспектив. Новый проект на имеющейся территории. Или же расширение горизонтов.

Был, конечно, и вариант попробовать организовать свою личную жизнь. Но тема работы мне всяко была привычной. Вот я и укатил за границу в расчете почерпнуть у зарубежных коллег знания по клубоустройству. Для бизнеса всегда полезно раньше конкурентов узнавать новые веяния.

— Глеб Виталич, вызывали? — прерывая мои мысли, в дверях кабинета мнетя очкастый кадровик.

— Тебя — нет! Помнится, я просил только резюме!

— Так... вот. — Он подходит к моему столу и протягивает лист.

— Электронкой пользоваться не умеешь? — недовольно выгибаю бровь, выхватывая из его рук бумагу.

— Умею. Но там... это... такое дело...

— Хватит мямлить, — вздыхаю я, поднимая глаза на трудягу.

— Не знаю, помните вы или нет... Она ж выходить перестала. И я ей дозвониться не смог. К вам тогда пришел. Вы сказали пока не увольнять. Месяц минул. А вы потом уехали... — Он морщит нос и нервно поправляет очки. — В общем, зарплата ей до сих пор начисляется. Я не знал, что делать. Вот и пришел...

— Хорошо, — бросаю я и опускаю взгляд в резюме.

— В с-мысле?

— В прямом. Пусть и дальше капает.

— Так ведь третий месяц пошел, как ее на работе не видно, — непонимающе бормочет кадровик. — У нас пять барменов числится, я...

Тяжело вздыхаю, прикрывая глаза и снова впериваю злой взгляд в пацана:

— Я ее в другое место перевел. Не вижу смысла в бумажной волоките. Поэтому все остается как есть, пока я сам тебе не скажу ее уволить! Ясно?

— Ясно! — наконец рапортует кадровик.

— Вот и молодец. Теперь будь добр, сообщи бухгалтеру и моему водиле, что я вернулся и жду их обоих сегодня в клубе. И пока свободен.

Когда за ним закрывается дверь, я наконец сосредотачиваюсь на бумаге.

«Анна Васильевна Хрусталева».

Действительно Хрусталева. Ей подходит. Хрупкая. Звонкая. Ларина ровесница. Значит, пятнадцать лет между нами. И правда, взрослый дядька на ее фоне. Усмехаюсь собственной глупости. О чем это я вообще? Вроде собрался раздобыть о ней информацию, чтобы избавиться, а не присвоить.

«Не замужем».

Хорошо.

Так-так, а вот это уже интересно. Адрес. Вот я и нашел то, с чего можно начать. Завтра же отвезу ее по этому адресу. И если там найдется родня, сдам.

Невольно продолжаю изучать резюме. Из графы «Образование» делаю вывод, что Аня вчерашняя выпускница школы. Боже мой, совсем ребенок же еще. Но должен признать, весьма одаренный ребенок.

С присущим детям оптимизмом Анечка умудрилась впихнуть в небольшое поле «Образование» целый список своих заслуг. Музыкалка, хоровое пение — и не просто, а солистка! — балльные танцы... И все это чудо — на вакансию бармена?

Усмехаюсь. Трусиха. Ведь с самого начала не просто так пришла ко мне. Хотела петь, да только смелости не нашла. Не успела.

Отбрасываю, начавший раздражать лист на стол. Поднимаюсь из кресла, чувствуя, что непрошенные мысли снова начинают завладевать моим вниманием.

Надо поработать! С этой мудрой идеей выбираюсь из кабинета. Но далеко не уйду. Останавливаюсь на балконе, что висит над танцполом. Облокачиваюсь на перила, пытаюсь придумать, чем бы занять голову. Не хочу ни с кем контактировать. И это сильно сужает круг моих возможностей отвлечься.

Вот черт. Забыл Надежду предупредить, чтобы она нашу узницу ужином как следует накормила.

Тоже, зараза, что она устроила утром? Разве не должна прислуга молча выполнять свои обязанности? И я сейчас даже не про «молча». Но «выполнять»! Я ведь точно помню, что велел: доварить, накормить. Из-за нее почувствовал себя еще большим дерьмом.

Хотя куда уж больше...

— Эй, не трожь рояль! — неожиданно для самого себя рявкаю я, глядя вниз.

Зазевавшийся официант, что в задумчивости принялся водить пальцами по обнаженным клавишам, тут же отскакивает от инструмента, словно ошпаренный.

С рыком выдыхаю. Выпрямляюсь, поправляя пиджак. Заметив внизу суесящегося кадровика, иду к лестнице. Похоже, все же придется контактировать с людьми. А то что-то мне крышу рвет.

— Буха вызвал?

— Скоро должен прибыть.

— Пусть поторопится. У меня сегодня еще встреча.

В зале становится как-то пустовато. Похоже, народ учуял дурное настроение начальства и потерялся. Я бы и сам не прочь потеряться. От самого себя.

Бездумно провожу пальцами по клавишам безмолвного рояля. Добираюсь до четвертой октавы. Фа диэз... Соль... Режет слух.

Это звук ее боли.

Хорошо запомнил. Тем злополучным утром оттирал эти чертовы клавиши от ее крови и прямо как сейчас хмурился, когда под моими пальцами раздавалось мерзкое бряканье.

В тот самый момент, когда она захлебывалась от этой самой крови, лежа на обледеневшей дороге...

Что, если бы остановил? Что, если бы не напугал ее настолько, чтобы ей пришлось сбежать, не разбирая дороги?

Была бы в порядке. Не очутилась бы в моем доме незваным гостем. Пришла бы на работу, как обычно. Ну, или все же попряталась пару дней от меня — она девочка стеснительная. И...

Что и?!

Ничего бы не поменялось для меня! Мне не нужна прилипала, которой от меня только деньги требуются! Или протекция, — неважно!

Уволил бы, да и дело с концом!

— Глеб Виталич, открываемся.

— На здоровье, — задумчиво соглашаюсь я.

— Водитель прибыл. Бухгалтер ожидает в вашем офисе.

— Закончил, наконец? — после длительного разбора полетов с бухгалтером в дверях показалась голова Валерки. — Пошли в зал. Там у вас сегодня такие девочки выступают, ммм...

— И тебе вечерочка доброго, дружище, — киваю, поднимаясь из кресла.

Стоит выйти из кабинета, как на меня обрушивается какофония звуков. Бросаю взгляд с балкона на выступающих девиц и морщусь, уже представляя, с каким удовольствием уволю их. Отвратно поют. Зато Валерка слюни пускает.

Люди слепы. Все, по сути.

И возможно, одна незрячая невеличка видит больше, нежели все зрячие вокруг меня.

«Надо поесть. Не хочу, чтобы ты заболел, — вместо отвратительного пения девиц звучит в моей голове музыка — моя интерпретация ее слов. — Хочу готовить тебе завтраки...»

Пропихнувшись сквозь толпу слепцов на танцполе, жадно впитывающих образы полууголых девок со сцены, раздраженно дергаю шторку чилаута и падаю на диван.

Они не видели нечто поистине прекрасное...

— Нам как обычно! — почти выкрикивает Валера вошедшему вслед за нами официанту.

Едва тот оставляет нас, как друг тут же переключается на меня:

— Я весь внимание.

Медлю, фильтруя необходимый минимум информации для полноценной картины. Без излишеств. Проворный официант снова выныривает из-за шторы, оставляя мне еще немного времени на размышления. В моей руке появляется привычный бокал. Делаю хороший глоток.

— Ларка мне сюрприз к приезду организовала, — начинаю я неохотно, смакуя знакомый вкус. — Прилетел и обнаружил у себя дома девчонку...

— ...без памяти, — подталкивает мой рассказ друг.

— Не только. — Скептически выгибаю бровь. — Она еще и слепая.

Валерка присвистнул.

— Ну, повезло тебе, конечно. С сестрой.

— Мы это уже сто раз обсуждали, — отмахиваюсь от болезненного разговора, делая еще один большой глоток из квадратного рокса.

— Ладно. С Ларой все понятно. А с инвалидкой-то твоей за чем дело встало?

Стискиваю зубы и подаюсь вперед.

— Не называй ее так! — шиплю раздраженно.

Теперь это слово будто серпом по нервам. Уже и сомневаюсь, кто из нас на самом деле инвалид. Не я ли, мудака с извращенной версией синдрома Туретта, неспособный язык за зубами держать?

Друг примирительно поднимает руки:

— Окей-окей! Дело твое. Но я бы на твоём месте её в интернат сдал.

— Жаль, что не ты на моём месте, — саркастично рычу я, отхлебывая обжигающую жидкость.

Чувствую, что мне становится легче. То ли повышающийся градус в крови делает свою работу, то ли опять это облегчение, что я не один такой бездушный, готовый выкинуть беспомощную девочку на улицу.

— Нужен другой вариант, — поглядывая по сторонам, произношу я.

— Например?

— Ей вроде в больнице напели, что все можно восстановить. Вот тебе надо узнать, как это сделать.

— Дружище, я скульптор тела, а не нейрохирург.

— В первую очередь ты врач! Значит, должен хоть немного шарить! Уж точно знаешь больше моего!

Валера, призадумавшись, откидывается на спинку дивана.

— Ты вроде ночью упомянул аварию?

Киваю молча.

— Тогда вполне вероятно, у неё в затылочной части сформировалась гематома, отсюда повреждение зрительного нерва и...

— Короче, Валер! — нетерпеливо требую я. — Ты знаешь, что с этим делать?

— Если бы глянул её историю, то, наверно, ответил бы. А так только предположения. Но раз врачи сказали, что можно восстановить, плюс это последствия травмы, то они, возможно, уже предложили ей быстрое решение вопроса. Она что-нибудь говорила про операцию?

— Операцию? — Недовольно морщусь, вспоминая, как сам когда-то загремел на стол к этим мясникам.

— Ну, если шансы на восстановление есть, то оперативным методом процесс можно ускорить...

— Это платно? — тут же осеняет меня догадка.

— Ну конечно, — удивляется друг. — Кто тебе бесплатно такое возьмётся делать?

— Тогда понятно, — выдыхаю я и снова хватаюсь за стакан.

— А мне вот ни хрена не понятно? — пытается влезть мне в голову друг.

— Да нет у неё денег, Валер. Иначе, думаешь, оказалась бы она в моём доме?

— О, бедолага. — Теперь приходит Валеркина очередь пить. — Эти бабы тебя с ума сведут.

— Точно.

Невидящим взглядом тараню полупрозрачную ширму.

— Отец спрашивал, что там с аукционом? Назначил дату? — подаваясь через стол, заговорщически интересуется друг.

Окидываю его уничтожающим взглядом:

— Я тебе уже говорил не заговаривать об этом в людных местах. Как и все остальные гости, твой батя получит рассылку. Когда придет время.

Едва не закатывая глаза, снова подтягиваю стакан к губам. Пристально изучаю невесомую ткань, за которой мерещится знакомый образ на сцене. И голос в голове сводит с ума. Ощущение, что я сейчас не там, где мне хотелось бы быть, нарастает с каждым глотком. Зря я пить начал. Знаю ведь, что неадекватным становлюсь.

А может, в этом и есть мой выбор...

Одергиваю себя.

Похоже, заночевать придется в клубе. От греха подальше. От хрупкого такого, беззащитного греха, что сейчас уже, должно быть, спит в кровати в моём доме на другом конце города.

Глава 6

ГЛЕБ

Валерка потерялся на танцполе. Весельчак. Уже за тридцать, а энергии — как у пацана. Мне бы так. Отрываться, как в молодости, выкинув из головы все терзающие мысли. Хотя помнится, я так не умел и в двадцать. Не до того было. Искал свое место в мире. Потому голова всегда была забита проблемами. Видимо, дело не в возрасте. Просто Валерон — сын богатеньких родителей, оттого и беззаботный такой. Ему все отец на блюдечке с голубой каемочкой. А я тем временем сам пробивался.

Не завидую. Горжусь.

Хотя есть в моей биографии моменты, о которых лучше забыть. Потому и хочу, чтобы мой сын по жизни шел налегке. Как друг мой беспечный. Чтобы не пришлось ему прогрызть себе путь. Кровью и потом. Потерями и лишениями.

А уж сколько сил приложить пришлось, чтобы соскочить... До сих пор с оглядкой хожу. В нашем деле бывших не бывает. Да и затянувшиеся раны остаются вечным напоминанием.

Научу сына драться. И стрелять. Чтобы мог постоять за себя в любой ситуации. Но сделаю все возможное, чтобы ему это никогда не пригодилось в жизни.

Ну, вот уже и снова мысли о детях.

Усмехаюсь. Не поздновато, дядя? Мечтать-то не вредно. Да только для этого надо еще и какие-то усилия прилагать. А я пока только будущее своему мифическому сыну строю. А самого сына еще и в проекте нет.

Выхожу из шумного клуба и падаю на заднее сиденье своей бэхи.

— Приятной ночи, Глеб Виталич, — кивает мне водила, пряча телефон в карман.

— Поехали, — велю я, сам еще не зная куда.

Однако тянет. Я как компас с нестабильной стрелкой — балансирую на грани. Стоит повернуть не туда, и аж дышать тяжело становится.

Водитель без слов выруливает с парковки у клуба и, очевидно, берет курс на дом. А там девочка обиженная. Которую я собирался в покое оставить.

— Погоди, — устало говорю я. — Найди-ка мне книжный магазин какой.

— Ночью?

— Мы вроде в цивилизованной стране живем. Хочешь сказать, нет ни одного круглосуточного книжного? — недовольно бормочу я, укладываясь вдоль заднего сиденья. — Сказал, вези в книжный, значит, ты везешь! Совсем распоясались. И Надежда, гадюка такая. Стопудово же не покормила мою девочку...

Приятный дурман в голове позволяет не сдерживать себя. И я улыбаюсь, глядя в подрагивающий потолок. Вспоминаю, как еще сутки назад нашел у себя в доме сюрприз, который теперь тянет меня как полюс.

Хмурюсь.

Северный полюс. Обидел ведь.

Вот же урод! Черт дернул такое ляпнуть! Надо загладить как-то.

Знаю, что уже завтра мне не понравится мое спонтанное решение вернуться домой. Но это будет завтра. Вот пусть он — тот другой я — и разбирается с последствиями. Лишь бы снова не обидел.

— Приехали, Глеб Виталич, — оповещает водила, и я отлипаю от сиденья.

— Ну пойдем, глянем, — отвечаю, выбираясь из машины.

Вхожу в двери магазинчика и сразу направляюсь к кассе. Продавец глядит на меня с очевидным недоверием. Ну а как вы хотели? Круглосуточно работать и без клиентов? Извиняйте.

— Мне нужен алфавит, — начинаю я без прелюдий.

— Это в детском...

— Не, погодите, этот... как его? Брайля.

Пацан кивает и усаживается за комп.

— Сейчас посмотрим.

Пока он стучит по клавишам, осматриваюсь. Рядом с кассой — целая витрина всяких побрякушек. Забавные цветастые ручки и карандаши. Брелоки, пестрые резиночки, блокнотики в разного рода ярких обложках. И прочая дребедень.

Ей бы понравилось. Девочкам нравятся всякие такие штучки. Да только она у меня необычная девочка...

Прямо перед кассой стоит полка с какими-то зверушками непонятного происхождения, так как густая белая шерстка закрывает даже стеклянные глазки-бусины.

Беру одного в руки. Уши длинные. Будешь кроликом.

— Этого возьму, — говорю, опуская рядом с кассой.

Еще один зверек привлекает внимание. Маленькая гиперпушистая птичка.

— Этого тоже посчитай, — велю, выкладывая перед продавцом меховых созданий.

Недостаточно. Сгребаю жменю разносортного зверья, сколько в руку поместилось, и выкладываю на стойку.

— Думаю, так хватит. — Чешу затылок, понимая, что это перекрывает мое свинство ровно на ноль.

Зато, может, хоть улыбнется.

— Нашел, — наконец отзывается продавец. — Вам повезло. Ее кто-то заказал несколько месяцев назад и так и не дошел, чтобы забрать заказ. Валяется на складе. — Он выходит из-за стойки и направляется к внутренней двери.

— Ты там глянь, может, мне еще с чем повезло, — кидаю ему вдогонку. — Все, что есть для незрячих, тащи.

— Посмотрю. — Продавец бросает выразительный взгляд на охранника, что мнется у входа в магазин, и прячется за дверь.

Похоже вид у меня сейчас не слишком презентабельный. Усмехаюсь. Нынче-то подобные косые взгляды смешат. Но было ведь время, когда я не на шутку боялся охранников. Я-то шпаной для них был. Беспризорником. Да не только для них. Так и было. Это сейчас дядя серьезный. А когда-то тащил из магазинов что не попадая, чтобы хоть поесть.

Так меня и заметили «старшаки». Приютили, так сказать. Да только лучше б я и дальше в магазинах подворовывал. У этих ребят все было куда серьезней. И с каждым «делом» моя душа стиралась в порошок.

Хотя теперь грех жаловаться. Если бы там не поднялся, то сейчас, наверно, так и скитался бы по общагам.

Неторопливой походкой прохаживаюсь вдоль книжных полок. Останавливаюсь у стеллажа со сказками. На торец выставлена открытая книжка, привлекающая мое внимание объемными страницами. Персонажи словно норовят выбраться из своей сказки, выпирая за пределы книги картонными силуэтами. Особенно мне нравится образ миниатюрной Дюймовочки, что хочет сбежать от гадкого крота, который желает лишить ее солнечного света. Кого-то напоминает...

По ходу, эти книжки — то, что нужно. Пока будет учиться читать, пусть хоть картинки потрогает. А там, глядишь, и операцию сделаем...

Мои мысли прерывает продавец, который проворно выскакивает со склада со стопкой книг и опускает их на стойку.

— Все, что нашел, — пыхтит он. — Тут не так много. Пара книг на Брайле. Алфавит... Ну и карта звездного неба. Не знаю, надо-нет?

— Все надо. Считай. И вот это тоже, — протягиваю ему стопку объемных сказок. Подвигаю зайцев-птичек и опираюсь рукой на стойку.

— Вы можете выбрать себе подарок, у вас сумма превышает необходимый минимум.

Хочу отмахнуться, но вдруг мысль возникает, что ей, наверно, захочется и дальше читать, когда зрение восстановится. Не на Брайле же она это делать будет.

— Положи что-нибудь. Что девочки любят.

— Сколько малышке лет?

— Девятнадцать.

Продавец на секунду удивляется, но затем понимающе улыбается и тянется к стойке с бестселлерами за его спиной.

— Девочки любят любовь, — усмехается он, опуская какой-то роман на самый верх стопки.

Расплачиваюсь и выхожу с полными пакетами целлюлозы к машине.

«Девочки любят любовь». Надо бы запомнить...

Гружу покупки в багажник и по привычке оглядываюсь на припаркованные машины. По ходу, эта повадка так и останется со мной до конца жизни. Сколько лет прошло, а я все проверяю, нет ли «хвоста».

Боковым зрением замечаю яркую вывеску. О! Мак. Захлопнув багажник, усаживаюсь на свое место.

— Заедь на автоокно. Поесть возьми.

— Вы же такое не едите.

— Вот вы достали: то не ем, это не ем! Сил нет ждать, ясно? А покормить чем-то калорийным надо. А то она скоро светиться будет...

Снова растягиваюсь на сиденье.

И что я собираюсь сказать? Боюсь, одного «прости» явно маловато. А поведать ей историю, что я сам контуженый потому иной раз не контролирую себя, — значит напугать еще больше. Мало ли чего от меня ждать. Я иногда и сам не знаю, чего...

Какой я человек? Каким был до всего? Вернее, каким должен был стать, если бы со мной не случилось всего того дерьма? На постоянной основе был бы надменным ублюдком, который способен обидеть незащищенную девочку? Или же сейчас я — это настоящий я?

Если первое, то я рад, что у меня есть такой забавный баг.

— Глеб Виталич, приехали, — выдергивает меня из размышлений Витек.

По ходу, я умудрился задремать. Тру пальцами глаза и выбираюсь из машины.

— На сегодня свободен, — говорю выскочившему за мной водиле, принимая из его рук пакет фастфуда. — Завтра на связи.

Собираю из багажника пакеты и топаю к входной двери. Спит же, наверно. На что я рассчитываю? Разбудить? Напугать? Так ведь и голодной спать не дело...

Останавливаюсь в коридоре у двери своей гостыи. Прислушиваюсь. Да только говорящий за плечом телевизор мешает.

Не понял.

Поворачиваюсь и вхожу в зал. Не показалось. Телевизор включен на каком-то музыкальном канале. Не выпуская из рук пакетов, подхожу к дивану, чтобы найти пульт. И замираю. Скрутившись калачиком под тонким пледом, невеличка мерно посапывает.

Невесело усмехаюсь. Должно быть, ей одиноко в моем доме. Даже послушала совет Надежды и пошла «смотреть» телевизор. Согласен, он немного разгоняет это долбаное одиночество. Сам бывает, включаю, лишь бы не в тишине. А ей и заняться больше толком нечем. Разве что спать.

Выхожу из зала в боковую входную дверь. Прохожу террасу, что огибает практически весь дом, и направляюсь к бассейну, за которым у меня организована зона отдыха.

Ночь довольно холодная, поэтому первым делом щелкаю уличный обогреватель, что, словно фонарный столб, стоит рядом с диваном. Пусть пока разогревается. Опускаю пакеты и потираю ладони, оглядываясь по сторонам. Что бы еще сделать...

Высокие деревья, обрамляющие просторный двор, шумят молодой зеленью. В полосках света, льющихся от бассейна, уже можно разглядеть первые цветы на клумбах неподалеку. И небо, как назло, ослепительно звездное.

Но ей ведь этого всего не нужно...

Хмурюсь и возвращаюсь к дому. Я покажу ей все, что в моих силах.

Выключаю ящик. Шумно выдыхаю и, подхватив девушку на руки, прижимаю к груди.

— Поспать еще успеешь, — бормочу тихо. — А вот небосвод к утру погаснет.

Слежу за ней неотрывно. Первое мгновение, когда оказываемся на улице, ежится и льнет ближе. Прикрываю глаза от удовольствия держать это тепло уютное в руках. Но Аня вдруг, будто спохватившись, вздрагивает и пытается отпрянуть. Видимо, проснулась.

Знаю, невеличка, обидел. Позволь хоть немного исправить.

Чувствую, как начинает дрожать в моих объятиях. Дурацкий плед свалился. Я едва успел подхватить его.

— Позвольте, я хотя бы вещи свои заберу?

Какие еще вещи? Я вроде все подготовил.

— Ничего не надо.

Утыкаюсь носом в ее макушку, убеждаясь, что она все еще пахнет мной. Хорошо.

Глава 7

АНЯ

Не успеваю проснуться, но осознаю, что мое тело отрывается от нагретого мной же дивана. Похоже, я уснула перед телевизором. Послушала совет тети Нади и решила включить. Хоть какой-то звук из ящика немного развеивает одиночество.

А куда это, собственно...

Меня начинает пронизывать весенний ветерок, и я невольно лгну сильнее к широкой мужской груди. Меня пробирает дрожь. Но не от холода вовсе. Зубы начинают отбивать чечетку.

— П-позвольте, я хотя бы вещи свои заберу? — стараюсь не плакать, выдавливаю я.

— Ничего не надо, — отвечает спокойный голос у меня в волосах.

— Холодно ведь, — мое бормотание сродни шелесту ветра.

Должно быть, он меня и не расслышал. Продолжает уверенно идти. А я вся обращаюсь в слух. Да только кроме мерного дыхания своего палача не слышу ничегошеньки.

Глеб вдруг останавливается и присаживается. Моя попа касается холодной ткани, что на ощупь, как брезент. Однако ноги остаются в тепле, на его коленях. Спину обдает жаром, словно от обогревателя.

Чувствую, как Глеб продолжает суесться подо мной, но пока не могу понять, что происходит.

Очевидно, на дворе ночь. При свете дня моим глазам обычно хоть немного светло. Да и звуков много больше. Машины, что время от времени проезжают по улице. Птицы, в конце концов. А тут только его дыхание и шелест ветра, запутавшийся в свежих листьях деревьев.

Едва не вздрагиваю, когда меня накрывает мягкая ткань. Подтягиваю ее к лицу и по запаху узнаю тот плед, под которым я уснула на диване.

Ничего не понимаю. Разве он меня не выбросить собрался? Или решил в качестве сувенира плед оставить? Но тогда почему я сижу не на какой-нибудь лавке на остановке, а на вполне себе удобном диванчике? Да и судя по моим ощущениям, мы даже из двора не вышли...

Напрягаюсь, когда рядом со мной вдруг скрипит бумага. Что это? Чувствую, что мозги готовы расплавиться от того, как сосредоточенно я пытаюсь понять, что этот звук может означать.

Хочу вспомнить. Хоть что-нибудь.

— Голодная? — наконец прерывает мучительную тишину строгий голос.

Глаза наполняются слезами. Слова не могу выдать. Молча мотаю головой.

— Надя тебя накормила?

Закусываю губу и киваю. Зачем все эти прелюдии? Пусть просто сделает уже, что собирался!

— И что же было на ужин? — не отстает строгий голос.

Теряюсь. Мне нечего ответить, ведь я соврала. А на ум, как назло, ничего не приходит...

— Открывай рот, — велит серьезно и я, кажется, даже слышу, как он хмурится.

Послушно подчиняюсь, неуверенно размыкая губы. Языка тут же касается нечто соленое.

— Пусть не очень полезно, зато сытно, — говорит он.

Непонимающе жую съедобную палочку. Это картошка фри? Да что происходит, черт возьми!

— Ротик, невеличка, — неожиданно мягко просит Глеб Виталич.

От удивления я выполняю и эту просьбу.

— Нагетсы, — комментирует он. — Подумал, что бургер среди ночи — это слишком жирно. Хотя тебе явно не повредит лишний жир. Тебя что, эти месяцы вообще не кормили?

Он молчит, явно ожидая моего ответа.

— Я без сознания долго была, как мне сказали, — бормочу, пытаюсь прожевать наггетс. — Потом в больнице...

— Точно, — перебивает Глеб, устало выдыхая. — Эту баланду больничную вообще жрать невозможно.

Что происходит? Мы просто сидим и болтаем? Вот так, будто мы близки? И судя по голосу, он сейчас вовсе не злится.

Спросонья я плохо соображаю. И пока пытаюсь окончательно проснуться, просто покорно открываю рот.

Закончив кормление беспомощной квартирантки, Глеб откидывается на диване. Я различаю это по тому, как вслед за ним заваливаются мои колени. Напрягаю ноги, пытаюсь ему не мешать. Но тяжелая ладонь прижимает их к напряженному торсу.

— Зачем мы здесь? — наконец проснувшись окончательно, решаюсь спросить я.

— На звезды захотел посмотреть, — задумчиво отвечает он.

Судя по направлению голоса, его лицо повернуто ко мне, а вовсе не к звездам. Каждая клеточка моего тела напрягается. Опять мучить будет?

— Издеваетесь? — предполагаю обреченно.

Мощное тело под моими ногами вновь приходит в движение. Где-то на другом конце дивана, куда сейчас как раз тянется Глеб, шелестит бумага. После недолгого замешательства и непонятного скрипа он возвращается на исходную. А я уже и не знаю, чего ожидать.

Теплая ладонь обхватывает мое запястье. На колени ложится нечто невесомое.

— Давай вместе посмотрим. — Мягкая интонация его голоса действует на меня как-то странно. Щеки начинают гореть, а в груди тарабанит сердце. О чем он, в конце концов?

Мои пальцы вдруг касаются острых выступов на куске картона, что оказался на моих коленях. От неожиданности отдергиваю руку, но тут же возвращаю, заинтересовавшись неведомым предметом.

— Теперь видишь? — Я слышу улыбку в его голосе, но не могу понять, что за штуковину он вложил в мои руки.

— Что это? — спрашиваю неуверенно, боясь показаться глупой.

— Смотри. — Он обхватывает своими пальцами мой указательный и ведет по неведомому полотну.

Точка. Вправо. Точка. Вправо. Точка. Вправо. Точка. Вниз. Точка. Вправо. Точка. Вверх. Точка.

Глаза наполняются слезами.

— Медведица, — улыбаюсь я, сама дивясь своей догадке. — Это звезды?

— Да. Карта неба для тебя, — слышу, как он довольно хмыкает. — Вот еще, смотри...

Он вновь ведет мой палец по плотному картону, а я улыбаюсь этой его манере говорить слепой: «смотри»... Будто и нет у меня никаких недостатков. Словно я абсолютно полноценный человек. С которым даже можно на звезды смотреть. Что с ним? Помнится, еще несколько часов назад он со мной даже говорить не желал.

На глаза снова наворачиваются слезы. Но в этот раз я не успеваю их сдержать. И одна предательски падает на наши пальцы.

— Ну чего ты, невеличка? — Это ласковое слово из его уст вынуждает меня чувствовать себя комфортнее рядом с ним. — Не понравилось, что ли?

Мне не по душе это тепло. Чем сильнее я доверяюсь ему, тем больше потом от грубых слов...

Большая ладонь ложится на мою щеку.

— Понравилось, — шепчу я, не в силах промолчать. — Очень.

Опускаю голову навстречу его теплу.

— Чего тогда опять ревешь?

Шмыгаю носом и даже не знаю, как объясниться. Боюсь, что вы снова насмехаетесь? Страшно, что, как только я расслаблюсь, получу за свою беспечность?

— Я вам очень благодарна просто. Простите...

— Нашла кого благодарить, — как-то обреченно вздыхает он.

Не могу понять, что это должно значить?

— Это ты из благодарности слезу пустила? — ворчит строгий голос. — Я тогда остальные подарки лучше не буду показывать.

Затишаю, не в силах справиться с любопытством. Подарки? Да что это с ним? За что? Зачем?

— Вот умница. И не реви мне тут больше.

Он разворачивается всем корпусом и подтягивает меня к себе так, что оказывается между моих раздвинутых ног. В следующую секунду моей руки касается нечто пушистое.

— Ой, мамочки! — вскрикиваю от неожиданности и едва не вскакиваю с дивана.

— Тише-тише, — смеется он.

Хмурюсь, пытаюсь не расплакаться. Что это было? Мне почему-то представляется какая-нибудь мышь. Он действительно привел меня сюда, чтобы поиздеваться?

— Прости-прости. — Смех унимается. — Надо было тебя сначала предупредить. Оно неживое.

Еще лучше! Да лучше бы живую крысу мне подсунул! Пыхчу, силясь сдержать эмоции.

— Невеличка, это — невеличка.

Что еще за тавтология?

— Не бойся, потрогай, — просит он так мягко, что я не могу противиться.

Чувствую, как рука дрожит, но все же раскрываю перед собой ладонь. Пушистое нечто касается моей кожи. Провожу пальцами. Хмурюсь, пытаюсь понять, в чем подвох.

Это игрушка?

— Подумал, что тебе понравится, — нерешительно говорит уже совсем нестрогий голос.

Он думал о том, что мне может понравиться? Это ли не странно? Может, он оборотень? И по ночам в нем пробуждается дружелюбный волк?

Усмехаюсь, продолжая изучать пушистый предмет в руках. Ну, это неживое явно не что-то убитое. Уже хорошо. Под невероятным слоем меха нащупываю пластмассовый треугольник — похоже, клювик. Рядом — граненые глазки. По бокам пухлого туловища — пара крылышек.

— Птичка, — улыбаюсь я.

— Она мне тебя напомнила, — усмехается он и вновь куда-то тянется. — Как и эти все... Только не пугайся в этот раз.

Чувствую, как на мои ноги словно вата сыплется. Шарю руками по пушистым комкам, не в силах сдержать смех:

— Да их тут десяток! Мне ведь теперь придется с ними со всеми знакомиться.

— Вот, будет чем время занять, — улыбается он.

— Спасибо. — Втягиваю голову в плечи, не переставая изучать пушистых созданий, однако все еще ожидая подвоха.

— Можно я тоже попробую? — вдруг спрашивает он.

Напрягаюсь. Поднимаю голову, отчаянно желая увидеть глаза, которые — я уверена — сейчас напротив. Боязливо киваю. Хочу узнать, что он собрался пробовать?

Большие ладони вдруг ложатся на мои щеки. Шершавые пальцы неспешно скользят по моему лицу. Очерчивают брови. Спускаются к кончику носа.

Прерывисто дышу, когда его пальцы касаются моих губ. Чувствую вмятинки на его коже, и становится интересно узнать об их происхождении. Но только секунду. Почувствовав его дыхание с привкусом хмеля на кончике языка, я рвано выдыхаю. Он слишком близко.

Снова хочет поцеловать?

Сглатываю нервный комок, застрявший в горле. Я отлично запомнила, чем закончился наш поцелуй днем. Инвалидка... Неполноценная. Тебя даже желать стыдно! Ты не подходишь даже для удовлетворения элементарных физических потребностей!

Мерзость.

Но зачем тогда он это делает? Чтобы снова обидеть?

Хочу ли я знать? Даже если нет, разве могу я сейчас сбежать, не позволив ему исполнить задуманное?

Глава 8

ГЛЕБ

Наблюдаю за тем, каким восторгом лучится ее лицо, и невольно сам начинаю улыбаться. Хочу коснуться, да только боюсь снова напугать.

— Можно я тоже попробую?

Познакомиться хочу. Понять, что она «видит».

Анюта поднимает невидящие глазки. Хмурится сосредоточенно так. И словно в самую душу мне заглядывает. Кивает, сглатывая. Губку неуверенно закусывает.

Осторожно касаюсь пальцами ее лица. Вздрагивает. А я поглаживаю трепетно, чтобы успокоить. Хочу, чтобы доверилась мне.

Да только не заслужил. Надо бы извиниться, но не умею я слов красивых говорить. Да и как тут с мыслями справиться?

Палец скользит по пухлой губке. Под его натиском ротик приоткрывается. Мое лицо так близко, что наше дыхание становится единым целым.

Темные реснички трепещут над бледными щеками. Аня будто и пошевелиться боится. Морщится, словно от боли. Еще бы. Обидел ее ни за что. Хотел как-то загладить вину, а в итоге опять до слез довел.

Хорошая она девочка. Ну почему ее именно ко мне, неадекватному, прибило?

Притихла покорно. А я удержаться не могу. Чувствую, как тянет меня. Понимаю, что веду себя как пацан. Глупо. Но неизбежно.

— Тебе бы бежать от меня, невеличка, — хриплю я в ее ротик.

Поддаюсь соблазну и накрываю припухшие губки поцелуем. Осторожно. Не напугать бы. И так весь день как зверь себя вел.

Но она поддается. Отвечает зверю на поцелуй. Влажный язычок нерешительно касается моего языка. И такой кайф от этого скромного отклика ощущаю, будто прощение ее получил. Позволение целовать.

Подтягиваю невеличку теснее к себе. Зарываюсь пальцами в червонное золото ее волос. Двигаюсь инстинктивно, подаваясь бедрами ей навстречу. Словно какая-то дикая прелюдия к чему-то большему. Осознаю, что снова перехожу границы. Нельзя так с ней. Нежно надо. Да только остановиться не в силах.

Выдергиваю плед, застрявший между нами, и отбрасываю в сторону. Прохладные пальчики касаются моей шеи, и я уже рычу от сдерживаемого желания снова обладать ею.

«Не надо так!» — вопит внутренний голос.

Но я его не слушаю, продолжаю шарить голодными руками по хрупкому телу. Вздергиваю платице, которое еще утром сам надел на свою невеличку. Скольжу рукой вниз по спине и холодею.

Шелковистую кожу рассекает грубая полоса. Перед внутренним взором тут же предстает платье мини, сплошь в засохших кровавых пятнах. Шрам. Достаточно яркое напоминание о моей несдержанности, вынуждающее меня наконец отпрянуть от сладких губ.

Анечка глотает воздух, в растерянности хлопая глазами. А я морщусь от боли, представляя, сколько ей пришлось пережить.

— Надо остановиться... — начинаю я, пытаюсь взять себя в руки.

Аня торопливо слезает с моих коленей, стыдливо пряча лицо. Прикрыв глаза, тру лоб в попытке подобрать слова, чтобы объяснить. Снова ведь обидится.

И вдруг слышу торопливые шаги рядом. Распахиваю глаза и успеваю вскочить с дивана, когда Аня уже летит в бассейн.

— Твою мать!

В пару шагов достигнув цели, прыгаю в воду, даже забыв набрать в легкие воздуха. Ну идиот же! От нее вообще глаз отводить нельзя!

Подхватываю трепыхающееся в воде тело и тяну на поверхность. Тут-то зрячий не всегда ориентируется. А она вообще, наверно, как в вакуум попала.

Аня кашляет, пытаюсь выплюнуть воду, попавшую в горло. А я подгребаю к бортику. Опираюсь на него рукой, желая отдышаться, и припираю девушку к стенке.

— Глупенькая, ну куда же ты опять бежишь? — выдавливаю, убирая с ее лица мокрые прядки. — Это ведь каждый раз заканчивается плохо.

— Да вы же опять сейчас гадость какую-нибудь скажете! — выпаливает она неожиданно яростно, видимо, взбодрившись от незапланированной холодной ванны.

И этот ее выпад — как глоток свежего воздуха. Так лучше. Злись на меня. Только не молчи. Не беги.

— Не скажу. Сегодня. А если завтра по трезвой опять что-то ляпну, то ты меня огрей чем-нибудь тяжелым.

Аня затихает на время, словно обдумывая сказанное мной. Наконец приподнимает лицо мне навстречу.

— Значит, в этом дело? — прерывисто дыша, спрашивает она. — Поэтому вы снова так странно себя ведете?

— Я сам не знаю, что для меня страннее. То, как я веду себя сейчас, или то, какой я все остальное время. Но сейчас я чувствую себя определенно лучше, чем обычно.

Девочка как-то разочарованно кивает своим мыслям.

— Вслух свои выводы делай, — требую я.

Она мнетя. Закусывает побледневшую от холода губку и хмурится.

— Это многое объясняет. Люди ведь нередко ведут себя под градусом так, как им несвойственно.

— И?

— И ничего! — ворчит она. — Я уже успела подумать, что вы оборотень!

Смеюсь от облегчения:

— Можно и так сказать.

Обнимаю стройную талию, и приподнимаю девушку над водой, усаживая ее на бортик. Уже зубами стучит. А губы того и гляди посинеют.

Подтягиваюсь на руках, выбираясь из бассейна.

— Посиди секунду спокойно, чтобы опять куда не вляпалась, — усмехаюсь я, направляясь к дивану.

Беру плед и возвращаюсь к трясущейся от холода девушке. Заворачиваю ее в тонкую ткань и, подняв на руки, спешу к дому.

Хоть бы не разболелась.

Толкаю ногой дверь, и направляюсь прямиком к своей комнате. Трижды чертово дежавю. Снова вхожу в ванную и, опустив девушку на мраморный пол, включаю горячую воду. Аня взвизгивает от неожиданности и пытается увернуться от струй, что на охлажденной коже ощущаются едва ли не кипятком.

— Согреться надо, — наставительно говорю я, подталкивая ее обратно под воду. — Сейчас привыкнешь.

Стягиваю с себя мокрый костюм, кидаю на пол. Потом разберусь. Вот же идиот! Не надо было так обижать. После дневной выходки она себе невесть что надумала.

Поднимаю взгляд на Аню. Так и стоит в своем платье под душем. Не двигается.

— Раздеваться не собираешься?

Резковато получилось. Злюсь-то на себя, она ни при чем.

— Я у-уже согрелась, — выдавливает она, выдавая дрожь голосом.

Ну что опять?

— Зачем врешь?

Вздыхает рвано, явно собираясь с силами.

— Вам бы тоже... погреться. Заболеете ведь.

Аня опускает невидящий взгляд в пол, а я открываю от неожиданности рот. Опять она меня с толку сбивает. Я же весь вечер больше ни о чем думать не мог, как о ее словах...

Хмурюсь. Есть ей дело до зверя. Почему? Смотрю, как она неуверенно мнетя. Обнимает себя руками, явно еще не отогревшись.

— Простите, — выдавливает. — Я ничего такого не имела в виду... Снова разозлила вас, да?

Считает, что я должен злиться?

В первое мгновение удивляюсь. Но затем вспоминаю, как отреагировал на ее заботу сегодня днем, и морщусь от отвращения к самому себе. И как ей понять, что я чувствую, если она не видит меня? А я и слова сейчас вымолвить не могу.

Подхожу ближе. Осторожно подхватываю ее запястья.

— Ой, что...

Она пытается отскочить, но я не позволяю.

— Сама посмотри, — прошу тихо и кладу ее руки на свою обнаженную грудь. — Злюсь я или нет?

Прохладные пальчики подрагивают на моей коже. На наши головы льется горячий тропический ливень, но ее прикосновения согревают меня быстрее. Ноготки, едва касаясь, оцарапывают кожу. Скользят к плечам вместо того, чтобы поспешить оценить мой настрой.

Похоже, она тоже слегка увлеклась. Совсем ведь не тем занимается. Я это еще днем заметил...

Пальцы правой руки сосредотачиваются в одной точке.

— Что это? — спрашивает озадаченно.

— Шрам.

— Откуда?

— А ты мне о своем расскажешь?

Отскакивает как ошпаренная, упираясь лопатками в стену.

— Простите!

— Да прекрати ты уже извиняться, — устало выдыхаю я.

Ловлю ее руку и возвращаю девушку обратно под теплые струи.

— Это ведь после той аварии? — не унимаюсь я. — Просто ответь. Я отстану и расскажу тебе все, что захочешь. У меня, между прочим, много шрамов.

— Вы уже видели? — Аж сжалась вся.

— Не видел. Нащупал. Потому и остановился на улице.

Аня морщится, словно от боли.

— Теперь ясно. Он ужасен.

— Нет! — рывкаю я. — Ужасно, что он у тебя! Не для того это тело...

Осекаюсь, потому что девочка снова пытается от меня пятиться. Не выпускаю ее запястье. Шагаю к ней.

— Подожди, Аня. Я опять все не так говорю... Хотел сказать, что не создан такой нежный ангел для боли. Это для таких, как я. А ты... — пробегаю пальцами по тонкой шее, — ты для любви.

Вижу, как у нее открывается от удивления рот, и понимаю, что опять переборщил. Плохая идея — слушать продавцов из круглосуточных магазинов. У них от недосыпа мозги набекрень. «Девочки любят любовь»... Тоже мне спец.

Протираю глаза, смахивая с бровей воду.

— Я хотел сказать, подлатаем тебя — будешь как новенькая. Парня себе найдешь нормального. И чтобы больше не смела калечиться. Поняла?

Захлопывает рот и кивает, опустив голову. Сам сказал и самого себя выбесил! Какого еще парня, вашу мать?!

— Да, это после аварии, — коротко отвечает она.

А мне больше ничего и не надо знать. Не стану больше допытываться. И так все ясно.

— Твоя очередь, — предлагаю я. — Спрашивай, какой из моих шрамов тебя интересует?

— Все, — неопределенно отвечает она.

— Опять боишься меня?

Качает отрицательно головой. Я вижу, как ее пальцы, словно против воли, выпрямляются. Будто пытаются дотянуться до меня.

— Хочешь потрогать? — хриплю я.

Эта ее дурацкая привычка кусать губы, когда она смущается, сведет меня с ума. И я знаю ответ, хоть Аня и не решается ответить сама. Кладу ее ладонь на свое плечо.

— Огнестрел, — коротко отвечаю.

Она открывает рот, будто хочет что-то сказать.

— Не бойся. Только слегка задела.

Тяну ее ручку к ребрам:

— Ножевое.

Она снова вздрагивает, касаясь грубой полосы на коже.

— Если так будешь реагировать, то лучше не буду показывать.

— О нет, простите, — шепчет она и слегка склоняется. Будто желая увидеть рубец, касается его двумя руками. Изучающе ведет вдоль неровных краев. Накрывает ладонью, словно поглаживает. А меня мурашки пробирают.

Отрываю ее любопытные пальцы от своей кожи и тяну к волосам:

— Тут еще есть. Осколок...

Замолкаю, глядя, как она болезненно морщится, зарываясь пальцами в мои мокрые волосы.

— Я тебя пугаю? — хмурясь, спрашиваю я, изучая ее странную реакцию. Конечно, пугаю. Мало ей было моей уродливой души, так решил еще физическим уродством похвастать.

— Нет. С чего бы? — вдруг отмахивается она. — Было очень больно?

Тарашу на нее глаза. Больно? Зачем она это делает? Каждый раз выбивает меня из колеи этими своими вопросами с подвохом. С двойным дном, я бы даже сказал.

Может, она не помнит простой истины, что это слишком личное? Однако о том, что градус вынуждает людей вести себя неадекватно, она помнит. И как пользоваться ложкой — знает. То есть все базовые знания у нее на месте. Однако это...

Я уже и не припомню, когда у меня последний раз спрашивали, больно ли мне. Замерз ли я. Не голоден ли.

— Больно, — отзываюсь тихо, хмурясь оттого, что маленькая ладонь поглаживает мои волосы. — А тебе?

— Мгм. — Аня поджимает губы, не переставая гладить мою голову.

Ей больно. Она тут слепая. Ее угнетают в этом чертовом доме. В том числе я сам. Но почему у меня такое ощущение, что это она меня утешает?

— Прекрати, — требую я.

— Ой, — она вздрагивает и вжимается в стену, — я что-то... задумалась.

— Как ты можешь оставаться такой... Такой! Когда я тебе столько гадостей наговорил?! — Подаюсь вперед и нависаю над ней, облокотившись на плитку за ее плечами.

— Я тут подумала, — говорит она неуверенно, — дело же не в словах. И не в том, как вы выглядите или сколько у вас шрамов. Я вижу нечто другое...

— И что же?

Ее рука вздрагивает и неуверенно ложится на мою грудь:

— Кое-что большее.

— Анют, из меня такой себе лирик. Объясни по-человечески.

— Звезды, каша, бассейн, часы... — перечисляет она какие-то бессвязные, на мой взгляд, вещи. — Одно то, что вы меня оставили в своем доме... Я вижу, что вы хороший человек.

Нервно усмехаюсь от неожиданности. А она продолжает:

— Что бы вы ни говорили, но ведь не выгнали. И не воспользовались, хотя... — Шумно выдыхает, прикусывая губку.

Улыбаюсь. Ляпнула лишнего. И я все понял.

— Хотя говорю, что хочу тебя, — заканчиваю за нее, упираясь носом в ее лоб.

Заметно напрягается.

— Да. В общем, — начинает тараторить, явно желая увести разговор в другое русло, — разве плохой человек стал бы учить меня готовить кашу?

Отстраняюсь слегка, чтобы не волновалась, что я снова сотворю какую-нибудь глупость.

— И что же, ты меня теперь совсем не боишься? Яведь завтра проснусь и неизвестно, что выкинуть могу.

— Это страх перед неизвестностью. Но не перед вами. Если завтра вы решите выставить меня из своего дома... я пойму.

Я даже не стану ей чего-то обещать. Она вполне очевидно растопила мое сердце. Но не заледенеет ли оно до завтрашнего утра, я гарантировать не могу.

— Анют.

— М?

— Ты это... прости меня. За то, что было. И за то, что, возможно, будет.

Она улыбается. Чего это?

— Мой дружелюбный волк уснет. И появится другой.

— Запомнила? Если начнет рычать, шли его к черту! — Я смеюсь в ответ, но на душе тяжело. — Давай вылезать, чтобы я и дальше оставался хорошим волком. А то больше сил нет смотреть на тебя в мокрой одежде...

Ее щеки тут же покрываются румянцем. Все правильно поняла, девочка. Слепая, да не глупая. Расторопно отлепляет от себя спереди натянувшуюся мокрую ткань платья, пряча соблазнительные изгибы.

— Сама справишься? — хрипло спрашиваю я, сглатывая вязкую слюну. — Я пока за одеждой сухой схожу.

— Не надо. Я сама. В комнату приду и разберусь.

— Нет.

Ее взгляд от неожиданности начинает блуждать по ванной.

— Что «нет»?

— Не пойдешь в комнату. Со мной останешься. Хочу снова уснуть, слушая твой голос.

Она явно в смятении. И ведь даже отказать мне не в силах. А я вроде и осознаю, что нехорошо поступаю. Да только тоже не могу отказаться.

— Вам правда так нравится мой голос? — выдавливает она.

Наклоняюсь к ней. Заглядываю в ее глаза. Но ведь моей искренности она не увидит. Еще прежде, чем успеваю себя остановить, подаюсь вперед. Всего на краткий миг осторожно касаюсь ее влажных губ своими. Неторопливо отстраняюсь. Упираюсь в ее лоб.

— Это — моя маленькая слабость.

Спешу выйти из ванной, пока опять глупостей не натворил. Ох, не стоит мне ее в своей кровати оставлять.

Глава 9

ГЛЕБ

Боюсь глаза открывать, уже догадываясь, что увижу. Вот же кретин! На кой хрен я вчера пить взялся?! Зачем вообще домой потащился?! Собирался ведь в клубе переночевать! Чтобы без последствий.

Все же открываю глаза. И утыкаюсь взглядом в свои последствия.

Хмурюсь. Бледная щека покоится на моей ладони. Темные волосы в свете рассветных лучей отливают золотом. Розовые губки слегка разомкнуты. словно со стороны наблюдаю, как мои пальцы тянутся к темным ресничкам.

Одергиваю себя. Это что еще за черт?! Резко сажусь в кровати, неосторожно выдергивая свою ладонь. Дьявол! Какого... Это каким дебилом надо быть, чтобы...

— Доброе утро, Глеб Виталич...

Едва не вздрагиваю, услышав тихий голос. Воровато оборачиваюсь и смотрю, как девочка спешит выбраться из моей постели.

— Простите. Я уже ухожу, — бормочет она себе под нос, семена по комнате.

Щурюсь недовольно. Значит, не боится меня больше?! Это мы еще посмотрим!

— Анна! — рявкаю я, вынуждая девушку замереть. — Немедленно собирайся!

— Куда? — выдыхает она.

Стискаю челюсти. Сжимаю кулаки в бессильной попытке отделаться от неприятного чувства в душе.

— Домой тебя повезу, — шиплю сквозь зубы. — Довольно с меня!

Мгновение замешательства. Аня кротно кивает и выходит из моей спальни.

Черт, я ведь ее вчера еще и целовал! Как минимум трижды! Черт бы меня побрал!

И как она отвечала...

Откуда у меня столько терпения? Хорошо хоть, остановился вовремя.

Первым делом хватаю телефон и, набрав номер водилы, велю ему немедленно приехать. Вскрываю с кровати и влетаю в ванную с намерением почистить зубы. Черт, тут теперь буквально все напоминает о ней!

Ну, ничего-ничего. Сейчас отвезу ее по адресу из резюме и сдам кому-нибудь! Кому угодно! Будь то родня или соседи какие! Мне плевать!

Так яростно я еще ни разу в жизни зубы не чистил. В груди разрастается торнадо. Сплываю густую пену. Впиваюсь пальцами в края раковины и тараню взглядом свое отражение.

Темные глаза. Злые. Но глядят с сомнением. В голове хрустальный голос, что наперебой поет песни и шепчет нечто неподобающее:

«Тебе больно? Ты же тоже замерз».

Морщусь болезненно.

Пошел на хер! Долой слабости! Не по мне это!

Чувствую, что не убедителен я. В бешенстве выскакиваю в комнату. Быстро одеться не получается. То и дело притормаживаю, прислушиваясь к шизоидным голосам в голове, что сеют нехилое зерно сомнения относительно принятого решения. Пальцы не слушаются. Наконец справившись с дурацкими пуговицами на рубашке, подхватываю пиджак и выхожу из комнаты.

— Анна! — стучу в ее дверь. — Ты готова?!

Слышу неуверенные шаги за спиной. Поворачиваюсь. Аня уже собрана. Мнется в проеме кухни.

— Я хотела... вам завтрак приготовить.

— Оставь эти фокусы для кого-нибудь другого, — гневно шиплю я, чувствуя, как торнадо в душе усиливается. Хотя это уже даже не торнадо, мясорубка самая натуральная. Словно мои органы в куски перемололо.

А девчонка только кивает, будто нисколько и не удивившись моей грубости.

Ах да! Я же ночью умудрился великодушно извиниться за все, что собираюсь сделать! Что ж! Спасибо, сентиментальный ублюдок! Теперь я могу со спокойной совестью выселить незваную квартирантку из своего дома!

— Поехали!

В ярости иду к входной двери. Останавливаюсь. Оборачиваюсь. Аня неуверенно бредет ко мне.

— Где твои вещи?!

— Я не успела... Думала, позавтракаем сначала...

Не хватит у меня сейчас решимости ее вещи собирать.

Черт! Ладно. Позже с водителем передам. Сейчас главное избавиться от головной боли!

— Обувайся! — веляю я.

Понимаю, что это все слишком долго. Чертовы сомнения одолевают с каждой секундой все сильнее.

Опускаюсь на корточки. Кладу ладонь на тонкую щиколотку. Натягиваю на миниатюрную ножку потрепанные ботиночки. Отпускаю. Беру вторую ногу и отмечаю, что на ней, как и на первой, царапины. Неосознанно веду ладонью по гладкой коже. Станком порезалась. А я и не замечал. Даже в таких обстоятельствах старается следить за собой.

Моя рука скрывается под юбочкой, что заканчивается чуть выше коленей. Вижу, как стискиваются бедра, но уже не понимаю, что это должно для меня значить. Под моими пальцами концентрируются мурашки.

И почему я постоянно перед ней на коленях?

Моих волос вдруг касаются тонкие пальчики. Поднимаю голову, хмурясь. Ловлю ее ладонь. Прижимаю к губам.

— Если я сейчас от тебя не избавлюсь, — хриплю, глядя в невидящие глаза, — то наделаю глупостей.

— Знаю, — шепчет она. — Делайте то, что должны.

Стойкое чувство, что она сейчас мне выбор предлагает. Да только ведь это не так! У меня челюсти сводит от бессилия.

Резко поднимаюсь и припираю девушку к стене.

— Я, может, и сам не знаю, что должен. Но взять тебя — явно последнее дело в списке.

Девчонка вдруг гордо задирает подбородок.

— А передо мной что? Кусаться?

Она топает ногой, влезая в ботиночек. Отталкивает меня. Наклоняется и застегивает молнию. Разворачивается и выходит из дома. Так уверенно, словно отлично видит, куда идет. А я стою с открытым ртом. Это что сейчас было?

Выскакиваю вслед за ней и наблюдаю за тем, как мой водила галантно подает непрошеной гостье руку, помогая спуститься с лестницы. Усаживает Аню на заднее сиденье и оставляет для меня дверь машины открытой.

Тру лоб. Последний рывок, Глеб. Ты сможешь. Просто довезти и оставить.

Усаживаюсь на заднее сиденье. Девушка вся подбирается, словно боясь со мной соприкоснуться. Верное решение.

— Поехали уже! — рычу я, поглядывая на девчонку. — Я тебе адрес в сообщении прислал.

Аня отвернулась к окну, будто видит там что-то.

Мне хочется придвинуться. Спросить, как она представляет себе мой дом. Рассказать, какие рядом с ним высокие деревья. И что первые цветы уже распустились. И...

Морщусь. Неосознанно поглаживаю сиденье рядом с собой.

— Вы нашли моих родственников? — нарушив воцарившееся в машине неловкое молчание, тихо спрашивает Аня, слегка повернувшись ко мне.

Воровато одергиваю руку от сиденья, словно она подловила меня на чем-то непозволительном.

— Нет, — отвечаю коротко. — Только адрес.

— Понятно, — шепчет она и вновь отворачивается к окну.

— Надеюсь, найдем там кого-нибудь, — продолжаю я.

Тянусь пальцами к темным волосам с проблеском золота.

— Ах ты ж, су... — вырывается у Витька.

Успеваю бросить взгляд на дорогу. И тут же сгребая Аню в охапку. Машина резко тормозит. Ударяюсь плечом в переднее сиденье и по инерции отскакиваю обратно.

— Какого хера, Витя?!

— Простите, Глеб Виталич! Этот мудака затормозил и...

— Внимательней будь! Иначе мы сегодня так и не доедем!

Машина вновь трогается с места. Смотрю на девушку в своих руках. Бережно прихватываю ее подбородок.

— В порядке? — едва не шепчу от волнения, боясь, что она снова могла пораниться по моей вине.

Чувствую, что дрожит. Испугалась.

— Все хорошо, — выдавливает в ответ. — А ваше плечо?

Тонкие пальчики пробегают по моей руке вверх. Концентрируются точно на шраме, что спрятан под одеждой. Значит, на ощупь меня запомнила.

— Глупости. Он уже давно не болит.

— Понятно.

Аня отстраняется, возвращаясь к окну.

Тянусь ближе, вытягиваю ремень безопасности из-за ее плеча и пристегиваю невеличку. Я должен доставить ее в целости. Иначе чертово чувство вины так и не позволит избавиться от нее.

— А у тебя? — спрашиваю, проверяя надежность крепления на ремне. — Все еще болит?

— Бывает. Когда дождь идет.

— Ань, послушай... — Бросаю уничтожающий взгляд на водилу, который то и дело подглядывает за нами в зеркало заднего вида, и придвигаюсь к девушке: — Ты так ничего и не вспомнила?

Мотает головой.

— Давай договоримся: если ты вспомнишь машину, которая тебя сбила, или водителя, то ты мне сообщишь. Я бы хотел сам с этим разобраться.

— Спасибо вам. Но не стоит. Думаю, полиция справится. Тем более если я вспомню какую-нибудь полезную информацию.

Стискиваю зубы от бессилия. Это с каких пор мы такие своевольные? Не после вчерашнего ли разговора по душам? Все я правильно решил! Сейчас приедем и...

— Глеб Виталич, приехали! — рапортует Витек.

А у меня сердце к горлу подскакивает. *Неужели все? Я должен отпустить ее сейчас...* Не отпустить, а избавиться от обузы, черт бы меня побрал!

— Витя, проводи нашу гостью, — сухо приказываю, с трудом проглатывая застрявший в горле ком. — И познакомься с людьми, что там обитают. Тебе сюда еще предстоит покататься.

— Как скажете, Глеб Виталич, — бодро отзывается водила.

— Спасибо вам.

Аня даже не поворачивается ко мне. Нервно шарит руками по двери, словно хочет поскорее сбежать. Витек выпускает ее на волю, и моя птичка спешит выпорхнуть из чертовой клетки.

Гляжу ей вслед. Витя осторожно поддерживает девушку под локоть, продолжая что-то говорить. Аня понуро идет к подъезду.

Как я и предполагал, это пошарпанная многоэтажка. Возможно даже не квартирный дом, а обычная общага. Значит, общая кухня и санузел.

И как же она справится?

Это хорошо, если родня какая есть. Уж позаботятся. Явно лучше моего... Но если некому? И кто у нее там в соседях? Если уроды какие? Хотя хуже меня найти сложно...

Опускаю глаза. Перед внутренним взором встает покосившаяся деревянная дверь. Вырванный с корнями шпингалет. В широкую щель проглядывается тонкий силуэт под душем. А за дверью — толпа ублюдков...

— М-м-м, — рычу, выскакивая из машины.

Ну, я же один такой! Придурашный! Никому и в голову не придет вожацелеть калеку! Зачем на кого-то примеряю свои грехи?!

Догоняю Аню под руку со своим водителем уже в подъезде.

— Свободен! — безапелляционно прогоняю Витьку и беру маленькие пальчики в свою ладонь. — Я должен сам оценить обстановку.

Аня, словно по инерции, обнимает мое плечо свободной рукой. Льнет ко мне, словно спасение нашла.

Да я ведь не спасение, глупенькая. Тараню взглядом ее макушку под гулкие шаги водилы, что разлетаются по всему подъезду, пока он наконец не выходит на улицу.

За ручку отвести и сдать, значит? Менее извращенной пытки не придумал?

Завороженно гляжу, как девочка утыкается носом в мое плечо. Прячется от мерзкого подъездного аромата кошачьей мочи и отсыревшего табака. Прикрывает глаза.

— Тебя опять тошнит?

— Все... нормально. Пойдемте уже, — сама тянет мою руку.

Подчиняюсь. Похоже, она пытается облегчить мою участь палача. Да только не выходит. Я от этого себя еще хуже чувствую.

Останавливаемся у искомой двери.

— Пришли, — бормочу я, отпуская ее руку.

— Ну, давайте прощаться. — Она растягивает губы в неестественной улыбке. — Спасибо вам за все. Кашу научили готовить, еще и проводить вызвались. Да и в целом за вчерашний день. И за ночь. С тех пор, как в себя пришла, я еще не чувствовала себя такой живой, как... рядом с вами.

Аня осекается и опускает голову.

— Можно один вопрос напоследок? — смущенно выдавливает наконец.

Хмурюсь, не желая вестись на это представление. Но не могу справиться с любопытством. Чего попросит? Решится спросить насчет выступления? Попросит проспонсировать операцию? Оформить ей пенсию, свалив все на производственную травму?! Что же тебе от меня на самом деле нужно?

— Валяй, — холодно бросаю я.

Она вдруг улыбается. Кивает, смущенно покачиваясь на пятках. Шарит перед собой рукой, словно коснуться меня хочет. Невольно шагаю ближе, протягиваю ладонь ей навстречу. Она хватается за нее, словно за спасательный круг. Неторопливо скользит пальчиками по моей руке.

— Вот, — касается мозолей на подушечках моих пальцев. — Что это? Вы на гитаре играете?

От неожиданности отдергиваю руку. Какого черта? Из всего, что она могла у меня сейчас спросить или попросить, имея почти гарантированный положительный ответ, она спросила... об этом?

Девчонка потупилась.

— Простите. Опять что-то не так сказала. Не хотела напоследок вас разозлить.

— Зачем тогда спросила?

— Интересно стало. Хотела бы послушать... как вы играете.

— Тебе повезло. Ты никогда этого не услышишь, — рычу я и в бешенстве жму на дверной звонок.

— М, — неопределенно пожимает плечами девушка и отворачивается от меня к двери.

— Я договорюсь насчет операции, — словно в оправдание своей грубости выдаю я, слегка склонившись к уху Ани. — Там вроде очередь какая-то. Не знаю, сколько это займет времени, но будь готова.

— Не... — начинает она, но дверь наконец открывается.

— Добрый день, — приветствую я высухшую старушку.

Аня кивает, но не издает ни звука. Однако глаза женщины удивленно расширяются.

— Анюта! Так ты выжила?! Заходи, моя хорошая!

Хмурюсь. По ходу, вот и бабуля нашлась. Где ж она до этого была? Судя по ее восклицанию, она в курсе того, что с Аней случилось.

— Вы простите меня, — неуверенно начинает Аня, протягивая руку к женщине. — Мы знакомы? Насколько?

Старушка бросает на меня недоуменный взгляд, однако берет Анюту за руку. Вводит ее в тесный коридор.

— Смею предположить, что вы уже знаете об аварии, — вступаю в разговор, входя в квартиру вслед за Аней.

— Слыхала-слыхала, — бормочет бабуля, встревоженно оглядывая Аню. — Девушка, что за ее вещами приезжала, рассказала. Несчастье-то какое! Пойдемте на кухню, хоть чаем угощу!

— Девушка? — непонимающе переспрашиваю, топая за бабулей и увлекая за собой Аню. Тут же догоняю, что это, наверно, Лариса. Иначе откуда Анины вещи взялись.

— Да. Я-то уже и отчаялась Анюту дождаться. А тут девушка эта за дверь. Попросила вещи взять, рассказала, что Аня в больнице. Ой-ей! И как же ты теперь?

— Аня зрение потеряла. И память, — отвечаю я за девушку, которая, кажется, и онемела к тому же.

Бабуля в ужасе вздыхает и картинно прикладывает руку к сердцу. А я не отвожу от Ани взгляда. Вижу, что она вот-вот расплчется. Еще бы. Если это родственница, то сочувствующих сетований и всплескиваний руками явно маловато. Ведь, насколько я понял, в больнице Аню никто кроме Лариски не навещал. Ну а если эта бабуля Ане никто... Значит, невеличка опять сирота.

Чувствую, как в душу забирается гадкая надежда, и уродливое облегчение позволяет вдохнуть спокойнее.

— Расскажите, а вы Ане кем приходитесь? — желаю немедленно подтвердить свою догадку.

— Да никем особо. Она у меня комнату снимала несколько месяцев. Работала ночами, днем спала. Мало мы общались. Но девочка вежливая и аккуратная. Дело не мое, чем она занималась, да только видите, оно как? Боженька все знает. — Бабуля «божий одуванчик» вдруг кинула недобрый взгляд в сторону Ани.

Делаю шаг вперед, прикрывая невеличку от этого яда. Бросаю на женщину предостерегающий взгляд.

— Я слышал, за клевету в аду отдельный котел стоит?

Бабка вылупляет глаза, резко выпрямляется. Уже и не кажется такой немощной. Прямо стойка боевая.

— Комнату ее покажите, — перевожу тему. — Хочу убедиться, что она не забыла ничего важного.

— Так вы снимать не будете? А-то у меня как раз сейчас никого нет.

— Сначала посмотрим, — уклончиво отвечаю я.

— Первая по коридору, — машет рукой бабуля.

Выхожу из кухни, подхватывая Аню под локоть.

— И никого, — шепчет Аня. — Я-то подумала...

Вхожу в комнатушку, еще не зная, что рассчитываю там увидеть. Ковер на стене. Под ним — ветхий диван-книжка. У окна стол.

Останавливаюсь посреди комнаты. Аня неторопливо обшаривает пространство, очевидно, желая познакомиться со своим жилищем.

В таких условиях... На кухне нет элементарного авторозжига. В санузел даже заглядывать страшно. Там и речи об уединении не ведется. А комнат тут, между прочим, штук пять. Да еще и с соседкой, что сама по себе представляет скрытую угрозу...

Так, стоп-стоп! Не для того я пришел, чтобы сдать. Оплачу жилье, дам еще бабуле сверху денег, чтобы позаботилась о девчонке. На дверь ей замок врежу и...

— М-м-м, — слышу сдавленный стон.

Поворачиваюсь на звук и наблюдаю, как Аня, сжимая пальцами виски, сползает по стене. Тут же подскакиваю к ней.

— Малыш, ты чего?! — Дыхание сбивается, а в ушах начинает пульсировать кровь. — Эй-эй!

Подхватываю обмякшую девушку на руки и укладываю на скрипучий диван.

— Сейчас-сейчас, — шепчу я взволнованно, подсовывая под ее голову подушку.

Заглядываю в побледневшее лицо, пытаюсь вспомнить, что делать в подобных ситуациях. Скорую? Хотя, погоди-ка. Подобное ведь уже случалось. Валерка сказал, что это норма в ее случае. Так возвращаются воспоминания.

— Ты что-то вспомнила? — вкрадчиво спрашиваю, неосознанно поглаживая темную макушку.

А у нее слезы из глаз.

— Все еще больно?

— Нет, — шепчет она и подается вперед, явно желая подняться.

— Тогда чего опять реवेशь? — Не позволяю ей поменять положение, удерживая за плечи.

— Н-ничего.

— Не смей врать. Иначе я немедленно развернусь и уйду, — грожусь я и сам себе не верю.

Анюта поднимает на меня заплаканные глаза.

— Уходите, — едва не одними губами произносит она.

Хмурюсь. В конце концов... я же за этим и приехал. Чтобы уйти. Ветхий диван предательски скрипит пружинами, когда я поднимаюсь на ноги...

Глава 10

АНЯ

Ночной разговор многое расставил по местам в моей голове.

Мне было сложно уловить тонкую грань, что отделяла Глеба заботливого и понимающего от непреклонного и грубого. Теперь знаю. И дело не столько в хмеле, хотя и в нем тоже. Но судя по количеству шрамов на его теле, у него весьма непростая жизнь. А тут еще и я свалилась ему на голову.

Все его противоречие, грубость и злость, — это лишь защитная реакция глубоко травмированной души. Когда он не под градусом, у меня складывается ощущение, что он бесконечно обороняется. Я буквально кожей ощущаю его напряжение. И понимаю, что не имею права своим присутствием терзать его дальше. Он отчего-то чувствует вину передо мной. А я не хочу этого.

Поэтому как только он сказал, что отправит меня домой, я выдохнула с облегчением. Меньше всего мне хочется становиться для этого человека обузой.

Однако я чувствую, что его тяготит это решение. Чтобы ему было проще, стоит постараться не выглядеть жалкой. Меня тошнит от собственной беспомощности. Не хочу, чтобы его глаза глядели на меня сочувственно...

Вожу пальцами по стене, очерчивая неровные стыки бумажных обоев. Пытаюсь свыкнуться с мыслью, что это теперь мой новый-старый дом. Так тому и быть.

Лишь бы он поскорее ушел. Боюсь снова сделать что-то не так. Боюсь снова ощутить гнев человека, который в моем сознании засел в образе всей вселенной. Боюсь почувствовать его жалость. Это все не то...

Прислушиваюсь к звукам в комнате. Может, он уже и вовсе ушел? Нервно шарю перед собой рукой и натыкаюсь на глянцевую поверхность двери. Вряд ли бы он смог пройти мимо меня, оставшись незамеченным.

Толкаю дверь, закрывая до упора, чтобы услышать, если кто-то ее станет открывать. В лицо ударяет порыв воздуха из коридора, в котором явно прослеживается запах старости, дыма и залежавшейся мокрой тряпки. Прикрываю ладонью рот, ощущая, как к горлу подкатывает тошнота. Однако уже через секунду забываю об этом, так как голову начинает сдавливать, словно тисками. Отшатываюсь в сторону, не в силах сдержать болезненный стон. Упираюсь лопатками в холодную стену и начинаю оседать, чувствуя, что сознание норовит покинуть меня.

Перед внутренним взором возникает странная картинка.

Тесная комнатуха с ковром на стене и ветхим диванчиком. Я более чем уверена, что сейчас нахожусь именно в этой комнате. По запаху понимаю. Этот смрад даже с потерей памяти сложно выкурить из сознания.

Словно со стороны наблюдаю, как привычным движением мои руки плотнее припирают покрытую потрескавшейся краской дверь, стараясь спрятаться от этого запаха. Падаю на скрипучий диванчик и открываю какую-то книжку.

Света не очень много. Лишь настольная лампа, что примостилась на подлокотнике. Однако мне нравится это ощущение. Я будто в сказке в этих выдуманных мирах. Могу сбежать от реальности...

Попытка вспомнить, от какой конкретно реальности я хочу сбежать, приводит к новой вспышке.

Дверь в потрескавшейся краске неожиданно открывается, хлопая о стену. От испуга выпускаю из рук книгу. Увидев в свете, льющемся из коридора, грузную мужскую фигуру, вскакиваю на ноги.

— Ну, привет, куколка! *ВИП-клиент* пожаловал!

О, нет-нет-нет! Пожалуйста, только не это! Я ведь не промышляла торговлей своего тела?! Глеб ведь говорил, что я была хорошей девочкой! Хотя откуда он может знать, чем я занималась вне работы...

Меня накрывает паника. Кажется, я больше ничего и знать не хочу. При таком раскладе лучше уж оставаться без памяти. Однако новая вспышка воспоминаний врывается в сознание.

Грязные руки сжимают мои запястья, не позволяя вырваться. В лицо летит кольцо дыма.

— *Сегодня не отделаешься. Матушка свалила на рынок. Так что дома только мы с тобой,* — табачное дыхание гогочет мне в лицо.

Я отчетливо осознаю, что уговоры не возымеют ровным счетом никакого успеха. Очевидно, это не первая наша схватка.

Изворачиваюсь и бью мерзавца коленом в пах. Он с воплем складывается пополам, вынужденно отпуская мои руки. Недолго думая, хватаю с дивана настольную лампу и бью ею негодяя по голове.

— *Еще раз ко мне прикоснешься, я на тебя заявление накатаю!*

Осекаюсь. В растерянности гляжу, как по виску мужика струится кровь, а сам он с протяжным воем валится на ковер...

— Ты что-то вспомнила? — словно сквозь вату слышу голос Глеба.

Я кого-то убила? Неужели я действительно убила этого человека?! Какой ужас!

— Все еще больно? — не отступает вкрадчивый голос.

— Нет, — выдавливаю в ответ.

Хочу подняться с дивана. Нужно срочно проводить Глеба.

— Тогда чего опять ревешь? — Он останавливает меня.

— Н-ничего.

Что я натворила?!

— Не смей врать. Иначе я немедленно развернусь и уйду, — снова злится.

Все правильно. Вам лучше уйти. Я ужасный человек.

— Уходите, — шепчу, глотая слезы.

Слышу, как скрипят пружины. Отворачиваюсь. Его не должны останавливать мои истерики.

— Ладно, — тихо рокошет за моей спиной голос. — Пойдем другим путем. Я не уйду, пока ты не расскажешь.

Да что он творит?! Какого черта ему от меня надо? Я же вроде ему пытаюсь жизнь облегчить, чего он упирается-то?!

Подскакиваю на кровати.

— Оставьте уже меня! За что вы так со мной? Хотите напоследок любопытных подробностей? Договорились! Я — убийца! Этого достаточно? — Голос срывается, и я замолкаю, продолжая глотать слезы.

Это первый раз, когда я рада, что не вижу. Не вижу презрения в его глазах. Осуждения. Не вижу, как он молча разворачивается и покидает комнату, наконец осознавая, что эти проблемы — не его забота.

Оседаю на диван, прикрывая лицо руками. Больше не могу сдерживать рвущиеся наружу рыдания. Даже сама понять не могу, отчего реву. Оттого ли, что убила человека? Или оттого, что этот самый человек меня домогался? По сути, это ведь была самооборона. Но прошло столько времени, что теперь я уже вряд ли кому-то что-то докажу. Да и как доказывать, если я элементарно ничего не помню. Однако что-то подсказывает, что у моих слез есть куда более эгоистичная причина.

Он ушел...

— Алло, Вить, — вздрагиваю, услышав перед собой голос. — Свяжись-ка с моим адвокатом. Узнай, где он сейчас. Передай, что, возможно, в скором времени мне понадобится его помощь, так что пусть никуда не уезжает.

Выпрямляю спину и отнимаю руки от лица. Он еще здесь?

— Так, теперь с тобой, — очевидно, обращается ко мне. — Истерику свою щас же прекратила. И спокойно рассказала, что такого вспомнила и почему пришла к таким скоропальтевым выводам.

— Вы поч-чему не ушли? — хлюпая носом, выдавливаю я.

— Я вроде ясно сказал, что пока все не расскажешь, не уйду.

— А до этого сказали наоборот! — пытаюсь протестовать я.

— Анна, ты с завидной самоотверженностью проорала признание, поэтому я более чем уверен, что твоя бывшая соседка уже вызвала полицию. Так что у тебя не так много времени, чтобы объяснить все мне, чтобы я успел сообразить, как тебя отмазывать.

— Меня посадят? — всхлипываю я.

— Только через мой труп, — будто и вовсе не задумываясь над ответом, угрожающе шипит Глеб.

— Так ведь не бывает. Если я убила человека, то должна понести наказание...

Затихаю, когда шершавые пальцы вдруг проходятся по моим щекам, утирая слезы:

— Я вроде, сам того не желая, немало тебе уже поведал о себе. Может, ты даже догадалась о моем... — замолкает, словно слова подбирая, — нечистом прошлом. Поверь, я знаю о-о-очень много людей, которые действительно заслуживают наказания. Ты им и в подметки в этом плане не годишься. Так что договоримся так: покуда весь тот мой список плохишей, со мной во главе, не окажется за решеткой, тебе там делать нечего.

Прикусываю губу. И чувствую, как у меня глаза на лоб лезут. Не могу это контролировать. Значит, он...

— Умница, невеличка. Сейчас самое время снова начать меня бояться. Больше не верь на слово всяким пьяным дядькам. Я — не хороший. Никогда. — Он как-то подозрительно обреченно вздыхает. — Надеюсь, теперь, когда мы восстановили баланс добра и зла, ты мне расскажешь все?

— Я не боюсь, — спешу вставить я и бездумно вытягиваю перед собой руку.

— Глупая. — Это звучит так мягко, что даже не обидно.

Мои пальцы упираются в его грудь. Чувствую, как напрягаются мышцы под рубашкой.

— Просто теперь я понимаю... — Замолкаю, и потом все же нерешительно добавляю: — Чуть больше.

Тишина в ответ угнетает. Снова что-то не то говорю. Злитесь? Чувствую, как под моими пальцами шумно тарабанит сердце.

Глеб Витальевич нервно выдыхает и перехватывает мою руку, отнимая от своей груди.

— Теперь постарайся, чтобы и я понял, — приказывает строго.

А я пытаюсь собраться с мыслями. Прокручиваю в голове катастрофичное воспоминание и делаю свой вывод:

— Думаю, это можно назвать самообороной.

— Подробней, невеличка. Кто этот человек? Ты его вспомнила? Можешь описать? Где это произошло? Что этому предшествовало?

— Здесь, — прерываю я необъятный поток вопросов. — Кажется, это произошло здесь. В этой комнате.

— Быстрей, малышка. Мне нужно больше информации до приезда полиции, — требует он, сжимая мои пальцы в своей ладони.

Кажется, словно он не на шутку взволнован моим признанием. Но с чего бы? И почему мою руку не отпускает?

— Я книжку читала. Примерно тут же сидела, — похлопываю ладонью по дивану. Тянусь в сторону и нащупываю подлокотник: — Тут лампа была. Дверь хлопнула, — указываю пальцем туда, где, по моим представлениям, должен быть угол комнаты, в котором притаилась дверь. — Он вошел, и с ним этот запах из коридора...

— Кто он? — слышу какое-то подозрительное напряжение в голосе Глеба, будто ему связки передавило.

— Мужчина. Высокий, но не выше вас. Волосы светлые и очень короткие, оттого кажется, что он лысый. В полосатой майке. Сбитый такой.

— Что он сделал? — словно через силу говорит Глеб.

Да что за ерунда? Тяну к нему руку. Осторожно касаюсь щеки и скольжу пальцами вниз, к шее. Нет, его никто не душит. Тогда что с голосом? Чувствую, как под пальцами нервно пульсирует венка. Точно злится. Он-то надеялся поскорее избавиться, а в итоге еще больше проблем от меня...

— Он... обидел тебя? — голос уже хрипит от напряжения, и теперь я отчетливо различаю неприкрытый гнев.

— Нет... То есть хотел, но не успел... — Осекаюсь. — Я его лампой... по голове. И... у него кровь пошла. Он упал...

Чувствую, что начинаю задыхаться от слез.

— А что, если все не так?! Может, я не так поняла его намерения? И убила! Он же меня просто за руки держал! И говорил, что не отделаюсь... Может, он не это имел в виду?!

Замолкаю, ощущая, как пальцы, удерживающие мою ладонь, все сильнее сжимаются.

— Я более чем уверен, что ты все верно поняла, — тихо рокошет Глеб.

— Значит, я все-таки убийца! — Меня накрывает новая волна истерики.

— Тише. Тише...

Чувствую его ладонь на своей щеке и пытаюсь уговорить рвущиеся наружу рыдания.

— В этом я как раз сильно сомневаюсь. Успокойся и подумай сама. Предположим, ты его убила. Куда тело девать?

Кажется, я слышу в его голосе улыбку.

— Миниатюрная Дюймовочка, — продолжает он. — Трудно представить, как бы ты скрыла улики. А если и не пыталась, то логично предположить, что сейчас ты бы уже отбывала столь вождеемое тобой наказание. Понимаешь? Значит, твоя жертва либо жива, либо...

Глава 11

ГЛЕБ

Дверь грохает о стену, и я в полной уверенности, что приехала полиция, неторопливо поднимаюсь с колен. Им ее не забрать. У меня достаточно связей, чтобы решить этот вопрос, не сходя с места. Лично мне уже вполне очевидно, что девчонка не виновата.

Оборачиваюсь. И застываю в недоумении, увидев в дверном проеме вовсе не парней в форме, а свиноподобного мужика в тельняшке. Это еще что за хрен?

— Ну привет, куколка! — довольно ухмыляется он.

Должно быть, сосед. Задумчиво поправляю манжеты рубашки, изучая незваного гостя. Он бросает на меня мимолетный взгляд и сосредотачивает все внимание на Ане.

— Ты как, Нюр? Мамка сказала, что ты слепая теперь. — Липкий взгляд поросячьих глазок ощупывает обнаженные ноги девушки.

Сжимаю кулаки. Скалюсь от омерзения, словно самого себя сейчас вижу. Грязный ублюдок, что вожделеет беспомощную девочку. А она сжалась вся на диване. Даже не знаю, кто из нас ее должен пугать сильнее. Однако подозреваю, что сейчас эта реакция вызвана чужим и отнюдь не дружелюбным голосом.

— Видишь, как оно. Мне из-за тебя голову зашивали. Теперь будешь знать, что всем по заслугам воздается, — усмехается ублюдок.

Мне хватает секунды, чтобы сложить картинку воедино. Образ, описанный Аней, в точности совпадает с наглым боровом, что продолжает без стеснения изучать тонкие изгибы ее тела.

— Но ты не волнуйся, — продолжает он, и я чувствую, как меня ослепляет ярость. — Я тебя мамке не выдал. Так что можешь оставаться. Уж я-то о тебе позабочусь...

Он не успевает договорить, когда в его челюсть впечатывается мой кулак. Сосед валится на пол, а я наседаю сверху, желая придушить скотину. Вцепившись рукой в заплывшую шею, наношу еще один удар.

— Ты че, мужик?! — орет свинья.

— Раз она тебя не убила, это сделаю я, — произношу и понимаю, что это не способ запугать. Не просто пустая угроза.

На моей совести немало грязных делишек, но ни разу в жизни я настолько не желал кого-то убить. С полной уверенностью, что без этой твари мир станет капельку чище, сжимаю на его шее ладони. На глазах шоры, а в голове пустота.

— Ма-ма, — сдавленно хрипит ублюдок.

Никто ему не поможет. Он упал так, что подпер собой дверь, так что подмога не придет!

Неожиданно чувствую, как по спине, словно мурашки, крадутся пальчики. Бросаю быстрый взгляд через плечо и вижу Аню, что подползла к нам на четвереньках. Вот черт!

— Вернись на диван! — рычу я.

— Глеб, — как-то облегченно выдыхает она, и дрожащие пальчики скользят по моему предплечью. — Пожалуйста... отпусти.

Накрывает мою ладонь своей. Ослабляю хватку, чувствуя, что девочка вся дрожит. Словно в ней с трудом душа держится. Пытаюсь отдышаться, непонимающе глядя на нее. Мозги начинают возвращаться в штатный режим. И я уже с трудом, но могу представить, каким кошмаром эта потасовка могла развернуться в ее сознании.

Поддаюсь и отпускаю шею ублюдка, не сводя глаз с ошалевшей Ани.

— В-вам пора, — выдавливая она.

— Куда? — До меня плохо доходит, что она имеет в виду.

— Вот мудила! — активизируется боров. — В моем доме...

Успеваю боковым зрением заметить, как мне в глаз летит кулак. Уворачиваюсь, но тут же перехватываю руку мерзавца прямо перед Аниным лицом. От неожиданности, все же пропускаю удар в бровь с другой стороны. Отстраняюсь от еще одного удара. И замечаю, как Аня подается вперед. Какого черта она творит?! Шарит рукой между мной и поросем и...

Вскакиваю на ноги и сгребая ее в охапку.

— Что удумала, дура?! — рычу я.

Слегка прибиваю борова к стене дверью и спешу покинуть чертову квартиру, пока Аня опять не учудила какую-нибудь глупость.

— Ты на голову больная?! — почти ору, спускаясь со своей невесомой ношей по лестнице. — Какого черта творишь? Какая идиотка будет лезть между дерущимися мужиками?!

— Я испугалась, — говорит она сквозь слезы и утыкается носом мне в грудь.

— Раз испугалась, так и сидела бы на диване!

— Испугалась, что вы пострадаете из-за меня! — неожиданно яростно выдает она. — Или глупостей наделаете, а потом...

Осекается, обиженно всхлипывая. И упирается лбом в мое плечо.

— Куда вы меня тащите?

— Домой, — отсекаю, выходя из подъезда.

Витек, завидев нас, тут же бросается открывать дверь машины. Опускаюсь вместе с Аней на заднее сиденье. Водила запрыгивает в машину, словно за нами погоня. Тут же давит по газам.

— Шеф, куда? К адвокату? Или в больницу надо? Вы бы сразу сказали, что там разборки предстоят, так я бы с вами пошел!

Пацан, по ходу, бывшие деньки вспомнил. Усмехаюсь невесело.

— Не гони коней, Вить. Не было там никаких разборок. Просто с соседями познакомились.

— Норма-а-ально познакомились, — ухмыляется он. — Уходили целые, а теперь в крови оба.

В смысле — оба?!

Разворачиваю к себе Аню, а она сразу руки к моему лицу тянет. На секунду прикрываю глаза, когда прохладные пальчики касаются моей саднящей кожи. Только теперь осознаю, что жирный гаденыш умудрился мне рассечь бровь.

— У вас кровь, — потрясенно выдыхает Аня.

И ведь не узнала бы, если бы кое-кто не был так болтлив!

— Витя, язык бы тебе вырвать! — цежу сквозь зубы, боясь еще сильнее напугать девочку.

— Надо в больницу, — лепечет она. — Как же больно...

Уже даже не спрашивает, а констатирует факт.

Замечаю алое пятно у ее виска. Кровь размазана по волосам. Быстро понимаю, что это моя кровь, и облегченно выдыхаю.

Даже прижаться к ней без последствий не выходит. Вечно улики оставляю.

— Витя, в городскую квартиру нас закинь. Нам бы хоть умыться.

— Как прикажете, Глеб Виталич, — отзывается водитель.

— Какую квартиру? — вклинивается возмущенный голосок. — Витя, отвезите нас в больницу!

Так уж властно повелела, что я не сдержал усмешку. Вы только посмотрите, какие мы повелительные, оказывается?

С улыбкой наблюдаю за девушкой в своих руках, которая почему-то ерзает, копошась в карманах своей курточки. Переключаю внимание в зеркало заднего вида и натыкаюсь на смеющийся взгляд Витька. Мотнув головой, без слов отменяю приказание невелички. Витек кивает в ответ и наконец концентрируется на дороге. Задерживаю на нем недолгий взгляд,

дабы убедиться, что он больше не собирается подглядывать. Кажется, он все же вспомнил о своих прямых обязанностях.

Подгребаю девушку теснее к себе. Обнимаю стройные ножки, которые она все норовит спустить на коврик, видимо, боясь запачкать обувью сиденье. Плевать я хотел на сиденье. Признаться, и на водилу тоже. Сейчас хорошо. По ходу, этот урод нехило приложил меня в висок. Иначе как объяснить, что я сейчас совсем расслабился?

Будто не нарочно утыкаюсь в темные волосы лицом. Она пахнет домом. Уютом. Нежностью. А еще этой своей драной заботой, из-за которой я вечно ощущаю себя последним мудлом.

— Нашла, — бормочет Аня и отстраняется.

В дрожащей руке сжимает цветастый платок и неуверенно тянется к моему лицу.

— Можно? Или вы сами?

— Давай ты, — отвечаю, не в силах отрезвить сознание после выброса адреналина.

Мягкая ткань трепетно касается моего лица, промокая кровь. Морщусь, когда платок касается рассеченной брови, но звука не издаю, чтобы не вспугнуть.

— Вы предупредите, если я рядом с раной буду, — просит Аня.

— Мгм, — отрываюсь я, словно зачарованный, продолжая изучать ее лицо.

Похоже, отсутствие зрения и потеря памяти — не самая большая ее проблема. Она ведь на голову больная. Под стать мне. Вечно лезет, куда не следует. Глупости всякие городит. Ничего не видит, но торопыга такая, что постоянно на что-то налетает.

Но какая же красивая... Вижу, как прекрасные глаза расширяются от удивления. Видимо, все дело в моей руке, которая безвольно очерчивает овал ее лица.

И когда я только успеваю херню творить?

Девочка притихла, безропотно принимая мою ласку. Конечно. Она передо мной безвольна.

Я мог бы прямо сейчас взять ее. Уверен, она не посмела бы противиться. То, что мешает мне это сделать, — ее рот, который постоянно несет какую-то ахинею. Про завтраки. Замерз. Больно. Вот эту всю хрень.

Будь она красивой и пустой, было бы куда проще. Но с ней все иначе. За красивой оболочкой, похоже, целый мир. Даже несмотря на то, что она его не помнит, его глубину сложно не заметить.

Словно из транса выхожу, когда в машине резко становится темно. Пытаюсь проморгаться. Гляжу по сторонам. Мы уже въехали на подземную парковку, а я так и не успел привести мысли в порядок. Вместо того чтобы решить, как поступить с Аней, еще больше запутался.

Отпускаю ноги девушки, позволяя наконец опустить их и слезть с моих колен. Аня молчит, явно тоже о чем-то задумавшись. Подозреваю, что ей как раз любопытно мое решение относительно ее персоны. Да только нет никакого решения. Буду действовать по обстоятельствам. Первым делом стоит умыться.

Выхожу из машины и, поймав Аню за руку, помогаю выбраться ей.

— Мы в больнице? — лепечет она.

Увлекаю ее к лифту.

— Доверься, — бросаю я, не желая объясняться.

— Я уже, — тихо выдыхает она.

Действительно. Только я пока ни разу не оправдал выданного кредита доверия. И не уверен, что планирую в дальнейшем. Рано или поздно я найду хоть каких-то ее родственников и дам. А сейчас...

— Заходим, — подталкиваю ее в лифт.

Кабинка дергается, приходя в движение, и Аня от неожиданности вцепляется в мое плечо, прямо как несколькими часами ранее в вонючем подъезде.

— Мы не в больнице, — говорит она в этот раз утвердительно.

— Догадалась.

— Запах. Больничный я хорошо запомнила.

Лифт наконец замирает на верхнем этаже. Аня отлипает от моей руки и выпрямляется, словно готовясь к прыжку. Напряглась вся, будто я ее на казнь привез.

— Не бойся, — зачем-то говорю я, подталкивая ее к открывшимся дверям. — Умоемся и дальше поедem.

— Куда? — не выдерживает она неизвестности. — В интернат?

Молчу. Мне пока нечего ей ответить. Вхожу в квартиру, ведя за собой Аню.

— Разувайся и проходи в... — понимаю, что глупость говорю.

Невеличка стягивает ботиночки. Снова беру ее за руку и веду в ванную.

— Тут сама разберешься. Прими душ. — Тяну ее за руку, вынуждая коснуться вешалок. — Тут полотенца. В кабинке шампунь стоит, у тебя кровь в волосах. Не торопись. Изучи все как следует. Я жду снаружи.

Отпускаю ее руку и включаю воду, дабы убедиться, что она нормальной температуры. Бросаю еще один взгляд на чрезмерно сконцентрированную девушку и выхожу из ванной, нарочито хлопнув дверью, чтобы Аня знала, что я ушел.

Иду на кухню. Быстро умываюсь и выхожу в зал. Кошусь на диван, но понимаю, что усидеть на месте сейчас вряд ли получится. Надо решать, что делать.

Внимание привлекает телефон. Вытаскиваю из кармана вибрирующий аппарат и непонимающе хмурюсь. На экране предупреждение, о том, что у меня зашкаливает пульс. Эх я разволновался из-за какого-то свина! Давненько не практиковался, видимо.

Усмехаюсь и прячу телефон обратно в карман. Поднимаю руку, желая сбросить настройки на часах. Погодите-ка...

Бросаю тревожный взгляд на дверь в ванную. Ей плохо?

Глава 12

АНЯ

После стычки в квартире, где я раньше жила, моя уверенность улетучилась.

Вся эта ерунда, что не хочу казаться жалкой в его глазах, испарилась из сознания, когда я поняла, что это единственный человек, который, несмотря на свою грубость, готов меня защищать даже ценой собственной жизни и свободы. И плевать уже, что им движет! Жалость или не пойми откуда взявшееся чувство вины.

Он единственный, кто помогает мне видеть. Когда он сжимает в своей руке мои пальцы, остальное становится неважно. Я не боюсь. Рядом с ним не страшно. Страшно только, что он отвернется.

И я чувствую, что так оно и будет.

Оставшись одна в ванной, опускаюсь на корточки и прижимаю голову к коленям.

С той квартирой не вышло, значит, теперь мне прямая дорога в интернат. А я ведь так надеялась, что найдется хоть один родной человек, с которым я бы чувствовала себя так же уверенно, как с Глебом.

Ну почему все так?! Что я за идиотка такая беспомощная?! Не желаю быть жалкой!

Если бы я только могла видеть... Если бы могла помнить, что было между нами. Возможно, я бы нашла способ... остаться с ним?

Хочу ли я этого? Да. В моем сознании он по важности, словно целая вселенная. У меня даже сомнений не возникает. Но что я могу в таком состоянии? Мне ведь даже предложить ему нечего...

Чувствую, что колени уже мокрые от слез. Жадно хватаю ртом воздух. На груди словно лежит огромный булыжник. Сердце тарабанит в ушах.

Это эгоистично. Желать быть чьей-то обузой. Мне не нравится это ощущение. Но я не представляю, как жить дальше. Если он откажется от меня. Последняя надежда на то, что я еще хоть кому-то нужна, осталась в той смрадной квартире.

И ему не нужна.

Хотя есть кое-что...

— Аня! — гремит за спиной голос, и на мои плечи ложатся горячие ладони. — Что с тобой?!

Он подтягивает меня в свои объятия. Гладит лицо. А я все еще не могу вздохнуть полной грудью.

— Снова воспоминание? Или болит что-то? Покажи, что болит! Не молчи только...

Не в силах справиться с истерикой, кладу ладонь на свою грудь. Сильные руки подхватывают меня и выносят из душевой ванной.

— Сиди тут, — велит он, усаживая меня на какую-то прохладную поверхность.

Спиной ложусь на стену, не в состоянии держать равновесие. Уже через секунду в мои руки вкладывается стакан.

— Попей. Ну как ты? — Большая ладонь скользит по моему лбу. — Ты вся мокрая. Но, судя по крови в волосах, помыться так и не успела.

Слышу, как рядом включается вода. Очевидно мы на кухне. Лица касается влажная ткань. Трет висок, затем волосы. Похоже, купание придется отложить. А значит, моя судьба решится быстрее, чем я надеялась. Сейчас приведет меня в товарный вид и сдаст...

Есть ведь кое-что. Что я могла бы ему предложить.

Однако он заведомо уже отказался. Не сделай он этого, было бы проще решиться. А теперь я боюсь его реакции.

Руки дрожат. Но я все же ловлю пальцами его ладонь и отнимаю от своего лица. Сейчас скажу и он меня не то что в интернат, прямо так в подъезд выставит.

— Подожди. Я почти оттер. — Он пытается забрать из моих рук свою ладонь, но я уже почти решилась, а потому боюсь отпустить. — Ну что?

Опускаю глаза, ощущая его недовольство, скрытое за терпением.

— В-вы... могли бы... Глеб, я...

Нет, я не могу этого даже произнести.

ГЛЕБ

Смотрю на маленькие пальчики, что довольно уверенно сжимают мою ладонь. Хоть и дрожат. Рука Ани нерешительно тянется ко мне. Ложится на мое плечо. Скользит к шее. Обвивает, словно ядовитый плющ.

— П-простите, я...

Поднимаю глаза и шумно сглатываю. Невеличка неторопливо подается вперед, вся стрункой вытянувшись, сидя на разделочном стол. А я пошевелиться не могу.

Какого черта она делает? Что такого сказать хочет, что нужно так близко придвигаться?

Кажется, я уже догадываюсь. Но не могу противиться. Как замороженный слежу за ее приоткрытым ротиком, ловя каждый вздох.

В моей бороде запутываются тонкие пальчики. Невольно склоняю голову, бессознательно помогая ищущим рукам найти мои губы. Прикрываю глаза от удовольствия. Втягиваю ее запах.

Ладонь на моем затылке становится жестче. Она притягивает меня? Открываю глаза и непонимающе гляжу в невидящие глаза.

Видно, Ане потребовалось собрать всю свою решимость, чтобы сделать это. Читаю мольбу в ее лице и поддаюсь. Слегка склоняюсь, но не более. Хочу узнать о ее намерениях, не сдобренных моей разыгравшейся фантазией.

Чувствую ее дыхание у себя во рту. Хмурюсь, осознавая, что делаю какую-то херню. Но остановится не нахожу сил. Прикрываю глаза, пытаюсь собраться с мыслями. Но все здравые рассуждения вмиг улечиваются, как только моих губ касаются прохладные губки.

— Ммм, — сыто выдыхаю, отвечая на поцелуй.

Сгребая девочку поближе, прижимая к своему телу. А она податливо обвивает мои бедра ногами и на удивление крепко обнимает за шею, словно и не намерена отпустить.

Хорошо. Мне нравится. Чувствую, что под ее тонкими пальчиками моя задубевшая шкура отогревается.

Глупая. Зачем же сама полезла в объятия к дикарю?

Подхватываю ее на руки. Целую шею. Влажно так. Должно быть, слишком пошло для такой скромной девочки. У которой кроме меня и не было-то никого.

И это обстоятельство мне почему-то нравится. Помнится, я всегда был против девственности. Что изменилось?

Опускаюсь вместе с Аней на диван в зале, а она и не отпускает. Нависаю над ней, продолжая целовать бледную кожу. Кайфую от ее запаха. Скольжу кончиком носа все ниже. Острая ключица. Чертова майка, что мешает мне продолжить...

Отрываюсь лишь на секунду, чтобы избавиться от препятствия. Сажусь над девочкой, скидываю свою рубашку и хочу перейти к ее одежде. Однако взгляд натывается на встревоженное лицо...

Бойтся.

Помутнение на фоне воздержания моментально отпускает.

— Зачем ты это сделала? — хрипло требую я, не в силах перевести сбившееся дыхание.

— Ч-что сделала...

— Поцеловала меня зачем?!

— П-простите...

— Я не извинений просил! — рявкаю нетерпеливо. — Отвечай на вопрос! Что удумала? Она снова свои руки тянет. Это же гипноз какой-то. Хочу отстраниться, но не могу.

Касается моего торса, вынуждая меня неосознанно напрягаться. Бледные щеки заливают румянец. Подается вперед и садится подо мной на диване.

Чувствую ее дыхание на своей груди. Острые коготки вырисовывают узоры на моем прессе, вынуждая меня отвлекаться от начавшей зарождаться злости. Что еще за цыганские фокусы?

— Я знаю, что вам противно от одной мысли... — наконец нерешительно выдавливает она, и я напрягаюсь еще сильнее.

Чую, мне снова придется не по душе то, что она собирается сказать.

— Просто... мне больше нечего вам предложить, — бормочет она смущенно. — Возьмите... меня. В качестве платы... з-за проживание.

С минуту смотрю на нее, пытаюсь понять: может у нее такое извращенное чувство юмора? Однако непохоже. То, как она попунцевела до корней волос, то, как боится даже взгляд поднять, то, как бездумно продолжает вырисовывать круги пальчиком на моей коже, не позволяя мне тем самым ни на секунду расслабиться, говорит о том, что она вовсе не шутит.

— Ты права, мерзко даже думать об этом. Ты совсем с головой не дружишь?

Отстраняюсь и обессиленно падаю на диван рядом с ее ногами. Не могу дальше уйти. Это же бред какой-то!

Подозрительно кошусь на девушку, что буквально стекает с дивана. Опускается на колени у моих ног. Нерешительно касается ткани моих брюк. Черт бы меня побрал, что она творит?!

— Умоляю. Глеб...

— Ты ненормальная?! — взрываюсь я, отлипая от спинки дивана и подаваясь к Ане. — О чем ты просишь?! Хочешь стать моей секс-игрушкой, лишь бы я тебя из дома не выгнал?

Кивает. Ну что за дуреха?!

— Не нуждаюсь! — рычу я. — У меня нет недостатка в женщинах. Если бы я каждую, с которой сплю, в дом тащил, то он бы превратился в общежитие.

— Я знаю, что вы не нуждаетесь. Это я... Мне больше некуда идти, — говорит она, сдерживая слезы. — Я боюсь...

— А меня не боишься?! — в ярости выпаливаю я. — Ты ведь не знаешь, чего я могу попросить?! Может, у меня наклонности извращенные? Как ты вообще додумалась предлагать себя человеку, которого не знаешь?!

— Не боюсь.

— Ты действительно настолько глупая?! — шиплю я, не отрывая взгляд от склонившей голову девушки. — Я ведь уже достаточно много рассказал о себе, чтобы вызвать в тебе желание бежать. настолько отчаялась, что готова зверю отдаться?

Не реагирует. Сидит покорно у моих ног.

Сумасшедшая. Покусывает розовую губку, пробуждая во мне тайные желания. Ежится, словно от холода. Складывает ладошки на своих коленях.

Хмурюсь, наблюдая, как мои пальцы касаются тонкой шеи. Большая ладонь накрывает влажную от слез щеку, и девочка утыкается лицом в мою руку.

— Глупая, — шепчу я, запутываясь пальцами в ее волосах. — Что ты несешь такое?

Подаюсь ближе и обвиваю свободной рукой стройную талию, подтягивая Аню к себе. И она поддается беспрекословно. Не прекращая поглаживать мокрое лицо, осторожно касаюсь соленых губ своими. Проникаю в ее рот языком. Мягко. Так, словно только этого и ждал. Стараясь не делать резких движений, кладу ладонь на ее бедро, как бы подсказывая, чтобы она села на меня сверху.

Моя послушная девочка. Заползает верхом, не разрывая поцелуй. Обнимает меня за шею. Придавливает своей попкой мое желание, и я уже почти не помню, о чем мы только что говорили.

Ах да, секс-игрушка...

Сейчас я уже не вижу ничего абсурдного в этой идее. Я совершенно определенно в любом своем состоянии хочу ее. А ей нужен дом. Готов ли я заключить эту сделку?

Что, если когда все случится, интерес, как я и предполагаю, погаснет? Так это ведь и хорошо. Разве не этого я сейчас больше всего хочу? Чтобы эта долбаная зависимость прошла...

Мой организм недвусмысленно намекает, что это сейчас далеко не то, чего мне хочется больше всего. По венам словно кипятки струится.

Невеличка отрывается от моих губ и ровно как я до этого скользит губами по моей шее. Учится. Похвально. У меня кожа горит от ее неумелых прикосновений.

Чувствую, как ее пальчики возятся с моим ремнем. И фантазия начинает рисовать весьма красочные варианты дальнейшего развития событий. Пока она стояла передо мной на коленях, я не мог отделаться от стойкого желания испытать ее решимость на деле.

— Ты действительно готова на все? — хриплю я, представляя, какие возможности мне откроются, если я все же решусь на эту абсурдную сделку.

Она молчит, продолжая целовать мое тело. Прихватываю ее за шею и вынуждаю выпрямиться.

— Я ведь могу потребовать то, что тебе не захочется делать.

— Значит, вы согласны?

— Сначала ты. Согласна? Я ведь могу попросить об ужасных вещах.

— Самое ужасное, что вы можете со мной сделать, — это выгнать из дома.

— Тогда уточним еще один момент. Мне не нужен секс из безвыходности. Отсюда вопрос. Что, если я и так принял решение оставить тебя в своем доме? Без всяких сделок?

Замешкалась.

— У тебя все еще есть время отказаться, — предостерегаю я, не находя в себе сил остановиться.

— А вы готовы, — она неторопливо тянет с плеча бретельку майки, — отказаться?

Уж я-то знаю, что в этом стеснительном котенке притаилась настоящая львица. Помню. А она нет. Однако истинную натуру не потерять даже с амнезией.

— Боюсь, если попытаюсь отказаться, то сойду с ума, — скользя голодным взглядом по обнажившейся коже, выдавливаю я.

— Значит, договорились? — в очередной раз переспрашивает Аня.

— Собираешься просто поверить мне на слово? А если я сейчас возьму тебя, а потом откажусь от своих слов?

— Тогда мне, по крайней мере, перепадет секс, — похоже, пытается отшутиться. Но это чистой воды лукавство.

Я чувствую ее трепет. Уверен, она несколько не готова к тому, что сейчас намечается. Дрожит вся. Однако пытается прятать свой страх за смелыми словами.

— А если серьезно? Вот так принимать на веру столь серьезный договор, — это верх идиотизма, — все еще зачем-то пытаюсь вразумить глупую девчонку.

— Предлагаете подписать бумаги? — невесело усмехается она. — А кто их проверять будет? Нет ни одного человека, которому я доверяла бы больше, чем вам.

Это откровение сбивает с толку.

— Ты помнишь меня всего пару дней. Как доверять можешь?

— За эту пару дней вы сделали больше, чем все другие люди, вместе взятые, за последние месяцы. Сегодня еще и жизнью рисковали.

— Глупости. Мне ничего не грозило от этого свина.

— Но вас могли посадить. А это тоже ломает жизнь.

— Тебе впору о себе позаботиться. — Глажу ее обнаженную спину, словно боюсь, что она действительно может передумать.

— Обо мне вы заботитесь, — смущенно выдает она. — Значит, и о вас кто-то должен.

— Решила, что это можешь быть ты? — спрашиваю строго и, сам того не замечая, подтягиваюсь ближе к девочке.

— Не считаю, что на заботу нужно дозволение.

— Ты совершенно чокнутая, — шепчу я в ее приоткрытые губки.

— С вами, похоже, тоже не все в порядке...

Закрываю ее рот поцелуем. Не могу больше сдерживаться. Если немедленно не возьму ее, так и буду метаться. Нужно решить этот вопрос раз и навсегда.

Может, и совершаю ошибку. Но как хорошо поддаться своей слабости! То, что нужно. Еще один раз с ней, и я снова стану самим собой. А мысли о ней перестанут занимать в моей голове так много места.

Кажется, я сейчас готов на все, лишь бы снова испробовать ее невинное тело. Даже если бы мне пришлось после этого отправиться на плаху. Плевать! Не откажусь...

Сжимаю ладони на ее тонкой талии, вминая девочку в себя. Она тихо стонет, вынуждая меня напрягаться еще сильнее. Как же приятно осознавать, что она тоже меня хочет.

Однако Аня вдруг отстраняется.

— Вы кого-то ждете? — шепчет взволнованно мне в губы.

— Нет, — непонимающе отзываюсь.

Я сладкой патокой расплываюсь по дивану и не вижу ничего вокруг, кроме нее. Однако она явно выглядит встревоженной. Глазки мечутся. А мне хочется, чтобы она снова заговорила. Чтобы перебила это шелканье в голове.

Погодите-ка...

Резко собираю растекшиеся мозги в кучку, отлепляюсь от спинки дивана и поворачиваюсь к входной двери.

В паре шагов от нас стоит платиновая блондинка и задумчиво позвякивает ключами в своей руке.

Глава 13

ГЛЕБ

— Вижу, вы все же нашли общий язык. А говорил, беспомощная, — скептически вскидывает бровь Лара, переводя взгляд на полураздетую Аню. — Как по мне, для беспомощн

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.